

Собиратель

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вербий Елена

18+

Елена Ивановна Вербий

Собиранатель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69804376

SelfPub; 2023

Аннотация

Детектив в стиле фэнтези на основе реальных происшествий. В городе пропадают дети. Руководитель следственно-оперативной группы считает, что следует проверять все версии, в том числе самые невероятные. Изображение обложки создано с помощью WOMBO Dream.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	71
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Елена Вербий

Собиратель

Глава 1

Тренировка начнётся только через полчаса, можно немножко погулять. Клёво всё-таки, что решил на дзюдо ходить. И ребята в классе как своего воспринимать начали. Раньше только и слышал: «Ботаник! Заучка! Тоже ещё умник нашёлся!» – теперь всё по-другому. Денис снял с плеч ранец, прислонил его к стене сарая, проверил, застёгнута ли молния на кармане курточки, где лежал мобильник, и повернулся к спортивной площадке, выбирая, что лучше: показаться на брусьях или пройти по гимнастическому бревну.

Что-то зашуршало в траве совсем рядом, мелькнуло, проскользнуло меж ногами. Денис быстро обернулся и заметил, как в приоткрытую дверь сарая юркнул какой-то зверёк, почти сразу изнутри раздались звуки, напоминающие одновременно писк котёнка и собачью зевоту. Заинтересованный мальчик приоткрыл дверь шире, заглянул внутрь. Темный комок, попавший в луч света, не спеша, переместился дальше в темноту. Денис невольно поморщился – пахло отвратительно, но любопытство победило. Прикрыв нос ладошкой, мальчик на цыпочках, осторожно, чтобы не спугнуть зверка,

вошёл в сарай. Дверь захлопнулась.

– Дежурный отдела полиции майор Авдеев, слушаю.

– Мой мальчик не пришёл из школы, – женский голос срывался от волнения.

– Сколько лет вашему мальчику?

– Десять. Понимаете...

Майор перебил:

– Когда он должен был вернуться?

– Час назад.

– Успокойтесь, гражданочка. В нашем районе происшествий, связанных с детьми сегодня не зафиксировано, – голос дежурного спокоен и уравновешен. – Час опоздания – не повод для волнения. Но если считаете нужным, приходите, оформим всё, как положено. Разберёмся.

– Но... Я не могу, может быть, ваш сотрудник ко мне домой подойдёт, я ему всё расскажу и дам фотографию Дениски. Запишите адрес?

– Вы находитесь в больнице?

– Нет, дома.

– Вы лежачий инвалид?

– Нет.

– В таком случае, вам придётся прийти лично, по телефону мы принимаем заявления только о происшествиях, тре-

бующих немедленного реагирования.

– Пропажа ребёнка, по-вашему, не требует немедленного реагирования? Прошу вас! Послушайте...

– Для вашего спокойствия я выясню, не было ли происшествий с детьми в соседних районах. перезвоните через час, если мальчик не вернётся к этому времени, но, надеюсь, не понадобится. Майор положил трубку, на столе стояли четыре разноцветных аппарата, и пока он разговаривал, два соседних – белый и красный бесперебойно дребезжали, требуя ответа, он поднял красную трубку:

– Дежурный отдела полиции майор Авдеев, слушаю ...

День своим чередом почти спокойно приближался к вечеру, как и дежурство. Ничего из ряда вон выходящего. «Бытовуха» – домашняя поножовщина: дочка пырнула мамашу ножом, но, к счастью, не сильно, мамаша тут же до отделения добежала, чтоб сообщить о непотребстве. Парочка бомжей, сладко сопевших на скамеечке в парке после обильных возлияний, возмутилась требованию пэпээсников освободить спальное место и послала их по известному адресу. Тогда уж возмутились полицейские, взяли дятлов за шкирку, да по дороге к УАЗику пару раз уронили нечаянно, потому в отдел для оформления административки приятели были вежливыми, а уж когда узнали, что их следователь из комитета ждёт, чтобы уголовное дело об оскорблении при исполнении возбудить, так и протрезвели. Несколько магазинных воришек, выявленных бдительными секьюрити; от-

правка в суд административно-задержанных; доклады о происшествиях руководству; составление суточной сводки, ну, и ещё всякого разного по мелочи – ежедневная будничная суета, ничего особенного. Рутинная.

Только звонки от женщины, что требовала незамедлительно явиться к ней домой для принятия заявления, выбивались за рамки обычного. Майор предпринял необходимые меры: вывел рапорт о поступившем заявлении, позволил участковому, чтоб сходил, выяснил что там и как. Но регистрировать свой рапорт не спешил, незачем заносить лишние записи в КУСП, скорее всего, мальчишка заигрался где-то, а мать в панику на пустом месте ударилась. Участковый обещал проверить адрес, но не прямо вот сейчас, а как освободится. Тоже занятой человек, между прочим.

Но гражданка не унималась, не очень к ней участковый торопился. Она звонила и звонила, и голос в телефонной трубке с каждым разом наполнялся всё большей паникой и отчаянием. Майор взглянул на часы. И впрямь странно, что мальчик из школы не пришёл. Седьмой час. Не удивительно, что мать волнуется. У Авдеева противно заныло под ложечкой, наверно, пообедать не успел, вот и привет от язвы. Обычно невозмутимый, как удав, а без крепких нервов на его месте делать нечего, дежурный вытер взмокший лоб. За всех переживать – никакого здоровья не хватит. Телефон снова затарахтел. Неужели опять она? Она. Вот чёртова баба!

– Я вас очень прошу, – сквозь рыдания причитала женщина, – Где этот ваш участковый! Вы же обещали! Мой Денис на звонки не отвечает, у друзей его нет, на тренировке – нет, из школы ушёл, домой не пришёл. Я уж всех обзвонила. Не знаю, что и думать. Помогите! А если б ваш ребёнок не пришёл?

Майор дёрнул щекой. При упоминании о сыне снова запыл желудок. Тьфу, тьфу, тьфу... Не дай, Бог! Мысленно поплевав через плечо, он уточнил адрес и пообещал, что сейчас пришлёт кого-нибудь. Неизвестно по какой причине эта тётка не идёт, но, учитывая накал её беспокойства, видно, и в самом деле не может, не то, давно бы уж прибежала. Кого же отправить? Дежурная группа на выезде, в отделе почти нет никого, дело-то к вечеру, рабочий день у большинства сотрудников уж полчаса, как закончился, все по домам разошлись. Хоть всё бросай и сам отправляйся. Ладно, придумаем что-нибудь. Майор ещё раз посмотрел на адрес. Жила заявительница, как оказалось, в соседнем доме. Заковыристо матюкнувшись, неужели сложно сто метров пройти, дежурный набрал номер начальника следствия.

– Кирилл, я помню, у тебя студенты на практике? Есть кто-то из них сейчас в отделе? Отлично. Сделай милость, отправь его по адресу. Там четвероклассник из школы не пришёл. Сам знаю, что не положено. Понятия не имею, почему они не идут заяву писать! Вот твой орёл и узнает. Нет, это не мои знакомые. Не надо мне таких знакомых! Скорее всего,

ерунда, но у меня от этой долбанутой бабы трясучка начинается, она с полудня из меня душу вынула. Но понять можно: мальцу всего десять, хорошо, если заигрался где-то, но мало ли... Я ей уже пообещал, а то, если она ещё раз позвонит, меня Кондратий хватит. Ага! Спасибо. Ну, давай!

Слегка успокоившись, дежурный отхлебнул остывшего чая и занялся текущими делами.

Если бы он только знал, вестниками каких событий были эти звонки...

Практика в районном отделе полиции – не слишком увлекательное занятие. Ни на какие происшествия практикантов не берут, чтоб под ногами не мешались и с глупыми вопросами не лезли. Следователи и оперативники, конечно, студентам рады, потому что техническая работа времени занимает много, а это такой ресурс, которого всегда катастрофически не хватает: в производстве у каждого по десять «живых» дел и в три–четыре раза больше приостановленных, только успевай крутиться, чтоб процессуальные сроки не упустить. Поэтому первым делом будущих юристов сажают за столы, сваливают перед ними папки с надписью «Дело» с воткнутой в них кипой разрозненных документов и велят аккуратненько бумаги разложить по датам, составить на них опись и подписать. Использовать студентов в качестве нарочных при рас-

сылке запросов тоже удобно, потому как ответ гораздо быстрее придёт, если его лично вручить, а уж привлечь стажёров в понятия – вообще дело святое, тут польза очевидная для всех: и сотруднику удобно, и стажёру наука. Поначалу-то для студентов всё ново и интересно, а через недельку – «скука скучная».

Когда начальник следствия поручил курсанту академии МВД Алексею Перову сходить по адресу, правильно оформить заявление о происшествии и объяснение заявительницы, парень обрадовался – наконец-то, самостоятельное задание. И бланки с запасом прихватил, и вопросы дополнительные продумал, и временный пропуск из курсантского удостоверения вытащил, чтобы, если заявительница захочет посмотреть, прочитать легче было.

Алексей учился на втором курсе, и в свои двадцать лет не нажил пока того цинизма и чёрствости, какой приобретается на любой работе, связанной с человеческими страданиями. В нём кипела юношеская энергия и стремление к подвигам, выбранная профессия не утратила ещё романтического флёра, а воображение рисовало его Лёху Перова мудрым и прозорливым следователем, как Пал Палыч Знаменский. Правда практика пока не давала возможности увидеть всей глубины следственной работы, потому что на поверку выходило, что следаки с утра до ночи за столом сидят, кучу бумаг перелопачивают, ну ещё людей, само собой, допрашивают, но, опять-таки, печатают при этом протокол за столом соб-

ственного кабинета. Нуднятина! Вот у оперов поинтереснее жизнь, поживее. Их почти никогда в отделе не застать, и поговорка в ходу подходящая – «волка ноги кормят». Может после академии не в следствие, а в розыск податься?

На крыльце РОВД Алексей, раз уж выпал случай, позвонил подруге, предложил компанию составить в предстоящей почти оперативной работе.

Верочка – подружка сердечная тоже училась на юрфаке, только в гражданском университете. Алексей заикнулся было, что на практику можно вместе ходить, но девушка работе в полиции сказала: «Фи!». Понятно, если у родителя своя юридическая фирма, то практиковаться в его конторе, сподручнее. Делать ничего не надо, отчет и отзыв куратора о практике для сдачи в деканат папа оформит и печатями подкрепит, а у дочурки лишний месяц к каникулам прибавится. Удобно.

Вечером планировалось свидание, поэтому Алексей решил, что так даже интереснее – позвать Веру с собой, продемонстрировать, что ему доверяют настоящее дело. Вера согласилась, ей тоже было интересно посмотреть на «настоящего оперативника». Через полчаса ребята встретились у дома, где жила заявительница.

Ещё через час Вера осталась ждать около дежурки, а Алексей побежал на второй этаж в следственный отдел, передал заполненные бланки начальнику следствия и бодро отрапортовал о проделанной работе.

– Молодец, – похвалил практиканта начальник, изучив документы, – и почему же эта Галина Георгиевна Чернова сама в отдел не могла явиться?

– Она, товарищ подполковник, на инвалидном кресле передвигается. Обе ноги после аварии сломаны, а квартира на пятом этаже, и дом без лифта. Сами понимаете, при таких обстоятельствах, живи она и на первом этаже, из дома выйти затруднительно. Живут втроём: она, муж, сын. Муж сейчас в командировке, завтра должен вернуться. Сын Денис учится в четвёртом классе, должен был в полдень из школы вернуться, но до сих пор не пришёл. В городе никого из родных нет.

– Чего ж она дежурному сразу не сказала, что инвалид?

– Потому что не инвалид, через пару месяцев бегать будет.

– Понятно, – начальник следствия дочитал документы, посмотрел на фотографию мальчика и вздохнул, – дела... Ладно, детей ищем сразу, так что я звоню в розыск, предупреджу, чтобы готовились к выезду, а ты все эти бумаги в дежку отнеси на регистрацию. На сегодня свободен.

– Кирилл Алексанч, а может не регистрировать пока?

– Это почему же?

– У меня идея: в объяснениях указано, что у мальчика смартфон при себе. Так я по номеру место его нахождения уже определил. Телефон зафиксировался в районе школы № 7. Это в десяти минутах ходьбы отсюда. Я могу туда быстренько смотаться. Если телефон в хозяйских руках, пинками малолетку домой загоню, и никакой регистрации заявления

не понадобится, ну, а если телефон у него «дёрнули», спрашиваю, узнаю, что да как. Если надо будет, зарегистрируем сразу два происшествия.

Начальник следствия задумчиво постучал пальцами по бумагам на столе.

– Ладно, одобряю. Делай всё быстро, но не торопись. Номер моего мобильного знаешь? Отзовишься сразу, как выяснишь что-нибудь. В дежурке Авдееву скажи, что заявление у меня пока постоит. Действуй.

– Есть! – Алексей заулыбался, залихватски щёлкнул кабелями и чуть не бегом покинул кабинет.

– Ишь, как взбрыкивает, – глядя вслед ретивому парню, усмехнулся подполковник, – ему всё игрушки пока. Весело ему. Эх, где мои двадцать лет... – он отложил на край стола принесённые Алексеем бумаги и снова погрузился в изучение лежащего перед ним уголовного дела.

Алексей вприпрыжку спустился по лестнице, заглянул в дежурную часть, предупредил майора о том, что поручение выполнил, но документы пока регистрировать не надо, и, ухватив за руку Верочку, потянул её за собой на улицу.

– Верунчик, мы можем дело раскрыть. Ты со мной? Ну, согласишься, это ж поинтереснее, чем просто в кафешке зависать. Надо в школу смотаться, где телефончик мальчугана этого засветился. Школа недалеко. Пойдём?

– Конечно, Лёшик! Когда ещё удастся родной полиции помочь? Я ведь по другую сторону баррикад работать буду.

– Ну, и зря! По мне лучше быть на стороне закона и правосудия, а не помогать жуликам уклоняться от наказания.

– Если бы за такую работу платили достойно, я бы с тобой согласилась. Но в реалиях сегодняшнего дня лучше работать на себя.

За разговором и не заметили, как добрались до места.

Фасадом четырёхэтажное здание школы смотрело на широкую проезжую дорогу. Школьный двор пуст. Ограды у школы не было, и молодые люди направились к входным дверям, которые оказались заперты.

– Наверно, нет уже никого? – предположила Верочка.

– Нет, – возразил Алексей. – Охрана-то должна бдить, а ещё в школах обычно спортзал работает часов до десяти. Его, как правило, в аренду сдают. Давай вокруг обойдём, посмотримся.

Позади школы оказалось не так красиво и аккуратно, как у центрального входа. Школьная спортивная площадка, обнесённая покорёженной и заржавевшей, а местами и отсутствующей сеткой-рабицей, выглядела заброшенной: беговая дорожка с тёмными проплешинами больших и маленьких ям, несколько покосившихся турников и давно некрашеное гимнастическое бревно расположились вокруг хорошо утоптанного продолговатого плаца со стойками футбольных ворот без сеток. За спортплощадкой из-за густых зарослей сирени выглядывало строение, сколоченное из досок, похожее на уличную будку туалета, только раза в два шире и с черда-

ком, видимо, сарай.

– Как уныло, – протянула Верочка. – Не хотела бы я здесь учиться.

– А ты здесь и не училась, – отозвался Алексей. – Достань лучше планшет, посмотрим, где Денискин смартфон светится.

Верочка извлекла из сумочки планшет.

– Похоже, где-то там, – махнула она рукой в сторону сарая.

– Пошли. Будем посмотреть, как говорят одесситы, – парень направился напрямик через спортплощадку, благо дыры в ограде. Вера семенила следом.

– Может, сначала всё-таки в школу зайдём? – спросила она.

– Нет, первым делом – телефон, если он у мальчика, то никуда больше идти и не придётся, – крикнул в ответ Алексей, который успел пересечь площадку и уже высматривал что-то около дверей сарая.

– О-па! Глянь, что я нашёл, – он повернулся к девушке со школьным рюкзаком в руках. – Тяжеленный какой, кирпичи в нём, что ли, дети таскают? Зуб даю, это портфель Дениса.

– Почему это?

– Чутьё! Сейчас проверим, – с этими словами парень растегнул молнию на рюкзаке и вытащил первую попавшуюся тетрадь. – Так и есть: тетрадь по математике ученика 4 «В» Чернова Дениса.

– Думаешь, телефон в ранце?

– Какой же уважающий себя пацан будет телефон в ранце носить? Наверняка в кармане держит.

– Если школьный ранец здесь, где же сам Денис? – слегка раздражённо спросила девушка, затея сопровождать Алексея уже потеряла свою привлекательность, лучше было бы вечер в кафе провести.

– Надеюсь, там же, где и его телефон, – ответил Алексей, забирая из рук подруги планшет и внимательно глядя на экран. – А телефон, похоже, или в сарае, или где-то за ним, а сарай у нас заперт. Может, хулиганы местные телефон отобрали и бросили, а мальчишку в сарае закрыли? Или по шее настучали и, чтоб не сразу пожаловался, вместе с телефоном заперли.

– А почему он тогда на помощь не позовёт и на звонки своей мамы не отвечает? – возразила Верочка.

– Пока не знаю. Версий много: стесняется, например, или хулиганы – совсем гады ему руки связали и рот заклеили. Но надеюсь, что все-таки просто затолкали в сарай, а мальчик гордый, ни жаловаться, ни на помощь звать не желает, хочет сам справиться. И это очень даже по-мужски. Давай-ка попробуем ему позвонить.

Как только в трубке послышались первые гудки, из глубины сарая слабо откликнулась мелодия смартфона.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворённо прокомментировал Алексей, нажимая кнопку отбоя. Мелодия пре-

рвалась. – Телефон в сарае, надеюсь, наш четвероклашка тоже там. Денис! – позвал он громче, – отзовись!

Никаких звуков.

– Придётся в школу идти за ключом, – сказала Вера, убирая планшет в сумку.

– Погоди, тут замок – чистая фикция. Справлюсь сам, – Алексей достал из кармана складной нож, засунул кончик лезвия в скважину небольшого навесного замка и легко повернул на пол-оборота. С тихим щелчком дужка запора вышла из корпуса. – Вот и всё. Сейчас узнаем, какая из моих версий подтвердится.

Нутро сарая тонуло в темноте, несмотря на то, что на улице было ещё довольно светло. Алексей включил фонарик смартфона. Луч яркого света выхватил из тьмы тело худенького мальчика. Он лежал на боку спиной к входу, поджав колени, лица не видно, зато связанные за спиной руки и перетянутые верёвкой щиколотки сразу бросились в глаза.

– Денис! – Алексей рванулся к ребёнку, схватил за плечо, ахнул, отпрянул и медленно развернулся к девушке. Она вздрогнула от произошедшей в нём перемены: лицо вытянулось, побледнело до синевы, губы сжались в узкую щель, взгляд застыл в широко распахнутых глазах.

– Что там? – Вере стало страшно. Она не хотела разглядывать, что так потрясло её друга, но ноги сами сделали шаг вперёд.

Алексей взмахом руки остановил:

– Не входи, – он уже немного пришёл в себя, поднялся, заслоняя тело мальчика, почти вытолкнул девушку из дверного проёма, закрыл дверь и, не сразу попав дужкой в петли, навесил замок.

– Он... что с ним? – с запинкой спросила Вера и почувствовала, что дрожит, хотя сентябрьский вечер был по-летнему жарким.

Алексей не ответил. Невидяще глядя перед собой, набрал на смартфоне, со всё ещё включенным фонариком, номер:

– Товарищ подполковник, это Перов. Я нашёл мальчика. Тело... в школьном сарае. Там... такое... Он... не знаю, как сказать. Я ничего не трогал. Сарай запер. Понял. Дождусь, – Алексей опустил руку, исподлобья посмотрел на подругу. Никогда ещё не видела она такого тяжёлого давящего взгляда.

– Вера, – глухо проговорил Алексей, – иди домой. Сейчас оперативная группа приедет. Они тут долго работать, наверное, будут. Я не смогу тебя проводить, должен дожждаться. А ты иди, – он привалился к стене сарая и сполз на землю, словно колени подломились.

Вера не посмела возражать, только кивнула, прижала обеими руками к груди сумочку и, спотыкаясь, пошла прочь. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, на футбольной площадке девушка уже бежала подальше от этого сарая, где заперто что-то ужасное, чего она не видела, но оно вмиг весёлого, сильного, уверенного в себе парня преврати-

ло в замороженную статую, от окаменевшей фигуры, привалившейся к стене, от стоящего перед глазами страшного лица Алексея, когда он повернулся к ней там, в сарае. Скорее туда, где самый большой страх – завалить экзамен в сессию, а самое горькое разочарование – испорченный маникюр или неудачная стрижка. Нет, нет, нет, никогда, никогда не будет она работать в полиции.

Оставшись в одиночестве, Алексей ещё какое-то время сидел, привалившись к сараю и бездумно глядя перед собой. Но постепенно первое потрясение отступило, и начали формулироваться вопросы. Преподаватели на занятиях по криминалистике и судебной медицине показывали фотографии с чем-то похожим, но не при таких обстоятельствах. Тут же вспоминалось тело в луче фонарика, связанное по рукам и ногам. Опять к горлу подступил ком, и накатила горечь бессилия изменить что-то, стало обидно, что никогда ему не узнать, что произошло с несчастным мальчиком, и разгадку найдёт не он, и злодея покарает тоже не он. Таких гадов обязательно ловить надо, а потом давить.

Мысли прервал телефон, завибрировавший в кармане брюк. Звонил начальник следственного отдела, предупредил, что оперативная группа уже едет, ещё раз напомнил, чтобы Алексей никуда не уходил и проследил за сохранностью места преступления. Алексей заверил, что всё понимает и дождётся. После секундной паузы начальник спросил:

– Уверен, что труп криминальный?

– Уверен, Кирилл Александрович. Я, конечно, не эксперт, и опыта у меня кот наплакал, но то, что мальчик не сам с собой такое сотворил – это точно. И ещё, может мне показалось, но... понимаете... – Алексей замялся, подыскивая слова.

– Что?

– Ну, я толком не рассмотрел. Лицо уж больно худое и вроде чем-то вымазано. Там темно было, но в свете фонарика вид жуткий, как из фильма ужасов.

– Придумал тоже! Это тебе в темноте, да с перепугу показалось. Ладно, Перов, сиди там до приезда группы. Следовательно в общих чертах на вопросы ответишь, а протокол допроса можно и завтра составить. Скажешь, я тебя отпустил.

– Кирилл Алексаныч, а можно мне остаться, помочь чем-нибудь?

– Лёша, был бы следователь мой, я бы разрешил, но трупы, сам знаешь, чья подследственность. Опера, правда, из нашего отдела будут. Сумеешь напроситься в помощники, дерзай, если нет – ничем помочь не могу. Руководит всегда следователь, запомни. Это тебе информация к размышлению, кем быть после академии, а то, я заметил, скучно тебе. Так вот, следователь думает и руководит, а опер бегают и исполняют. Понял?

– Так точно, – когда собеседник отключился, Алексей со вздохом опустил телефон.

Появившуюся было мысль, что до приезда группы он

успеет ещё раз в сарай заглянуть, Алексей отмёл. Вокруг сарая осмотреться? Но естественного света уже не хватало даже на поверхностный осмотр: солнце село, и сумерки плавно перетекали в ночь.

Алексей поднялся, снова включил фонарик на смартфоне и, подсвечивая перед собой, направился в обход сарая. С левой стороны обойти строение невозможно, так густо разрослась сирень, но справа, словно вход в беседку, чернел прикрытый ветвями проход. Наверняка школяры за сарай курить бегали, подумал Алексей. А ещё это могло бы быть местом засады преступника в ожидании жертвы. Тут же вспомнилось из «Мимино»: «Друг, сюда нельзя. Тут следы!» А вдруг, правда?

Алексей посветил вокруг. Плотной утрамбованная земля не хранила никаких отпечатков. Он направил луч фонарика внутрь прохода. В естественной беседке было на удивление чисто. В чахлом пучке подорожника около стены что-то тускло блеснуло. Алексей наклонился, чтобы рассмотреть. И разочарованно хмыкнул: ничего интересного – всего лишь самодельная пепельница из пивной банки на две трети заполненная бычками. Версия о курящих школьниках подтвердилась. Вон чуть дальше в глубине куста сирени в ямке у самых корней ещё какой-то блеск. Алексей сделал шаг внутрь беседки, присел. Свет фонаря отражался от круглого металлического бока шара баодин, что так любят крутить в ладонях поклонники китайской медицины. Внезапно за спи-

ной почудился какой-то шорох, и вдруг накатила волна отвратительного смрада. Алексей начал было оборачиваться, но не успел. Голова взорвалась болью.

Через минуту двери сарая осветили фары автомобиля. Но курсант этого уже не увидел.

Глава 2

Первым уроком была история. После звонка вместе с историчкой в класс вошла Наталья Николаевна – учительница русского языка и литературы, ребята называли её между собой Наша Наташа, потому что она была их классным руководителем. Следом за ней порог переступила незнакомая девочка.

– Знакомьтесь, ребята, – сказала Наша Наташа, – это Аня Гомес. Она приехала из другого города и теперь будет учиться вместе с вами.

Все дружно промолчали. А что говорить? Пускай учится, жалко, что ли.

Девочка как девочка: маленькая, худенькая, темные волосы гладко зачёсаны, ножки-ручки тонкие, круглая оправа очков закрывает половину лица, портфель в руках вместо модного ранца, школьный сарафанчик в клеточку, белые рукава и воротничок у блузочки. Фамилия странная – это да. Но в остальном, как все. Только взгляд за очками остановившийся, и на класс девчонка смотрит, слегка поворачиваясь всем телом то в одну, то в другую сторону, как робот.

– Иди, Анечка, садись пока туда, где свободно. Мы тебе потом постоянное место определим, – сказала Наша Наташа и ушла.

Новенькая не двинулась с места, всё ещё медленно пока-

чиваясь из стороны в сторону.

– Ну, что стоишь? – громко спросила историчка. – Не можешь решить, куда сесть? Рядом с Кристиной Градовой место свободно, садись к ней, не стой столбом, урок идёт!

Новенькая вздрогнула, словно очнулась, тихонько пискнула: «Извините», – поспешно прошла в самый конец класса к последней парте, опустилась на стул рядом с Зёмой и завозилась с портфелем, доставая учебник.

Весь класс отметил заминку новой ученицы, взгляды всех учеников проследили за её передвижением. Но стоило девочке устроиться за партой и заняться подготовкой к уроку, интерес к ней угас, класс вновь занялся своими делами.

Кристина Градова скривила губы и через плечо многозначительно посмотрела на Костю Дубова, он сидел за ней. Заметив гримаску на лице приятельницы, мальчик вполголо-са с ухмылкой прокомментировал: «Дурак дурака видит издалека». Его сосед – Венька Огурцов хихикнул и добавил: «Подобное притягивает подобное». Кристина в ответ кивнула, полностью развернулась к сидевшим за ней мальчикам и прошелестела: «Заметили, как она раскачивалась? Как очковая змея. К нашему идиоту подседа. Мы ей, значит, не подходим, – девочка поджала губы и добавила. – Надо научить манерам кобру очкастую». Она никогда бы не призналась, что от скользнувшего по лицу остановившегося взгляда тёмных глаз из-за стёкол очков по телу пробежал целый табун неприятных мурашек. Кристина бросила неприязненный взгляд на

последнюю парту и начала обсуждать с соседями, как именно после уроков они укажут новенькой на ошибки в поведении с первых минут пребывания в классе.

Математика по расписанию стояла второй, поэтому Зёма был уверен, что успеет списать домашку у Димона на первом уроке, который история. Историчка обычно зад от стула не отрывает, на класс не смотрит, сорок пять минут сидит и вслух что-то по теме читает. И как только ей не надоедает? Бубнит себе под нос, и дела ей нет, что никто это художественное чтение не слушает. Уже читала бы про себя, так нет, вроде как новую тему рассказывает. А чтоб оценки в журнале были, историчка придумала письменные тесты. Раздаст каждому листочек с вопросами и тремя вариантами ответов, надо только галочки правильно поставить. При этом она не запрещает пользоваться учебником или интернетом, у кого он есть. Поэтому отметки у всех хорошие. Кроме Зёмы.

История, пожалуй, единственный урок, на котором каждый своим делом занят: Градова книжку электронную с собой носит специально, чтобы на скучных уроках читать; Дуб с Огурцом обычно в морской бой режутся по сети на своих телефонах. Остальные занимаются своими делами, кто во что горазд: кто рисует, кто бумажными шариками плюётся, кто в окно глядит, кто просто так болтает с соседом. Воро-

бъёва с Крюковой «виселицей» развлекаются. Ну, с ними понятно всё, они слов разных много знают. Отличницы, но не задаваки. Всегда ближним помогают, списывать дают, а на контрольных по физике все варианты успевают решить и по рядам нуждающимся передать. И все как-то по старинке бумажками обходятся.

Если по чесноку, совсем не крутой класс у Зёмы, и школа – обыкновенная муниципалка. Не лицей, не гимназия, и даже кадетского класса в ней нет. Одноклассники Зёмины тоже обыкновенные. Только трое богатеньких затесались.

В классе галдёж стоит, но негромко. А то, если в коридоре слышен шум из класса, завуч может припереться или директриса. Они, понятное дело, тоже не страшные сами по себе, но вот если матери пожалуются, будет полный отстой. Мать у Зёмы не то чтобы строгая, просто любит, чтобы все соседи слышали, как она сына воспитывает.

И вот что интересно: никто не слушает учителя истории, но если директриса или завуч заглянут в класс, они разглядят, что только Зёма отвлекается, и только его мамашу вызовут. Почему так происходит? Зёма, между прочим, единственный никогда не болтает с соседями.

Вообще-то, если бы дело касалось какого-то другого предмета, ему было наплевать: двойкой больше, двойкой меньше – разницы нет. Но не по математике. С сентября у них новая математичка пришла. Во-первых, она ученикам стала говорить «вы». Это было странно и неожиданно приятно. Зёма

себя прямо как-то взрослее почувствовал, солиднее. Во-вторых, когда Зёму к доске вызвала, и тот, как обычно, набылся, она ни ругаться, ни обзывать его пеньком с глазами не стала, а как-то так Зёме вопросы начала задавать, что он задачу решил. Сам. И не очень долго даже у доски стоял. Главное, математичка ему разрешила не разговаривать, а ответы на её вопросы сразу в решении писать математическими примерами. Дело в том, что Зёма сильно заикался и понять, что он говорит, очень трудно, поэтому никто его и не слушал. На уроках, где устной речи много, его не спрашивали, а если спрашивали, до конца никогда не дослушивали. Просто ставили тройку из жалости. Вот Зёма и перестал дома уроки делать. Зачем, если все равно тройку поставят?

Математичка, как только поняла, что он говорит с трудом, сказала: «Вы, Земцов, можете не комментировать свои выкладки. Пишите решение, как считаете нужным. Даже если сомневаетесь, всё равно пишите. Если понадобится, я вам подскажу в каком направлении двигаться». Не только Зёма, никто в классе сразу не въехал, что за «выкладки» такие. Но потом как-то так получилось, что всё стало понятно. И что «выкладки» — это последовательное изложение математического решения, как бы сами допёрли. К концу урока каждый ученик себя чувствовал необыкновенно умным. И Зёма тоже. За ответ у доски он, кстати, пятёрку получил первый раз в жизни. С этого момента Андрей Земцов, которого все звали Зёмой из-за того, что он ещё в первом классе на вопрос

«как твоя фамилия?» промямлил: «Ззе-емма...», решил, что математику будет учить обязательно. И учил. Каждый день уроки делал, к каждому уроку готовился. Очень трудное дело оказалось. Несколько часов ежедневного упорного сопения, гора перечёрканных листочков, но задание по математике, в конце концов, аккуратно переписывалось в тетрадь.

Вчера выполнить домашку не получилось. Всё из-за Русика – младшего брата. И чего он так разорался? Подумаешь, с велика упал. Велик-то трёхколёсный, малышковый! Всех делов – шишка на лбу и коленки ободранные. А ревел так, будто у него голова и ноги отвалились. Весело же было! Зёма велик сзади толкал, разгонял, а Русик потом мчался быстро-быстро и смеялся. Кто ж знал, что он повернуть захочет и в бордюр со всего разгона врежется. Сам виноват. Но Русика никто не ругал, а вот Зёме влетело не хило. Даже сегодня сидеть больно, а вчера вообще невозможно было. Главное – обидно, хотел же, как лучше.

Зёма в школу прибежал пораньше, надеясь заранее взять тетрадь у приятеля, потому что Димон всегда приходил раньше всех. Но сегодня его, как на зло, не было. Зёма расстроился, но потом подумал, что за урок истории домашнее задание по математике успеет сделать. Но посмотрел на количество примеров, да ещё целых три задачи, и понял: нет, не успеет.

Зёма огорчённо склонился на парту, голову на сложенные руки положил.

– Андрей, у тебя что-то случилось?

Зёма только плечом дёрнул: чего этой новенькой спокойно не сидится, чего пристала?

– Может быть, я могу помочь?

Зёма оживился. А что? Если она домашку сделала, то какая разница, у кого списывать? Он повернулся к новенькой. Показал ей задание в дневнике, поднял брови, посмотрел вопросительно, дескать, ты решила? Руками изобразил, будто пишет что-то. Опять посмотрел вопросительно.

– Ты спрашиваешь, решила ли я домашнее задание?

Зёма энергично закивал.

– Нет, я же сегодня первый день. Я не знала по заданию.

Зёма огорчённо уткнулся в руки.

– Ты не расстраивайся, – услышал Зёма шёпот прямо над ухом. – Я сейчас всё решу. Давай учебник.

Зёма снова воспрянул духом. Он сел ровно и придвинул учебник девочке. Она углубилась в чтение, а потом достала из своего портфеля тетрадь с надписью «черновик» и начала быстро записывать условия первого задания.

Странная девчонка. Зачем-то к нему за парту села, а могла рядом с Кристиной Градовой, у которой сегодня соседки тоже нет. Вообще-то у них в классе свободных мест нет, просто сейчас несколько человек болеют. Где эта новенькая сидеть будет, когда все выздоровеют?

Пока Зёма размышлял, девочка вырвала листок из черновика и подвинула к нему.

– Вот, ты пока переписывай первую задачу, а я буду решать дальше.

Зёма кивнул и тоже углубился в работу.

Аня делала задание увлеченно и быстро. Не прошло и половины урока, как девочка подвинула исписанные листочки соседу по парте.

Пока Зёма, кусая губы от усердия, переписывал к себе в тетрадь решённые примеры и задачи, Аня от нечего делать стала осматриваться. Всё-таки новое место, новые ребята, с которыми вместе предстоит каждый день встречаться, новые учителя.

Учительница, уткнувшись взглядом в лежащую перед ней большую книгу, что-то читала вслух. Её голос тонул в общем шушуканье и тихих смешках. Дети не обращали на бубнёж внимания и занимались своими делами.

Появление новой ученицы, по наблюдению Ани, заинтересовало только троих учеников, только их взгляды ловила она на себе, и ребята, поглядывая в её сторону, что-то обсуждали.

Первой взгляд притягивала девочка с кукольной внешностью. Золотистые кудри, вольготно рассыпанные по плечам, слегка вздёрнутый аккуратный носик, большие в поллица голубые глаза – явно первая красавица класса. Губки бантиком величиной с булавочную головку несколько портили общее впечатление, но этот недостаток восполнялся бесконечной уверенностью в собственном превосходстве, скво-

жившем в каждом движении. За партой девочка сидела одна, и Аня поняла, что именно её имя назвала учительница, когда предложила Ане скорее определиться с местом. Значит это и есть Кристина Градова, поняла Аня.

Прямо за ней свободно раскинулся на стуле мальчик с невыразительной внешностью – невнятного светло-русого цвета волосы, светлые глаза, черты лица мелкие и невразумительные. Но ассиметричная стрижка тщательно уложена волосок к волоску, школьный костюм сидит как влитой, усмехаясь, мальчик поглядывал на новенькую и говорил что-то красивой соседке.

За одной партой с ним сидел беловолосый вертлявый худой паренёк с острыми чертами лица и суетливыми движениями. Он внимательно слушал соседа, что-то крутил в ладонях и время от времени поворачивал голову, чтобы взглянуть на Аню, одновременно мальчик почёсывал нос то одной, то другой рукой, что делало его удивительно похожим на крыску. От троицы веяло холодом и недоброжелательностью. Золотоволосая Кристина что-то ответила, и мальчишки захихикали.

Аня тихонько вздохнула. Она первый раз меняла школу, и пока ей было неуютно.

Андрей – сосед по парте, наконец, закрыл свою тетрадь и вернул ей черновик, до сих пор он не сказал ни слова.

Аня накрыла черновую тетрадь учебником, сложила руки на парте и стала исподволь рассматривать сидящего рядом

мальчика. Андрей внешне напоминал разваренную картофелину в мундире – такой же рыхлый, расхристанный и неаккуратный. Но он, был ярким, будто облитый светом. Когда Аня впервые на него взглянула, ища себе место, она в первую очередь увидела этот тёплый свет и потянулась к нему, потому что от всех остальных ребят веяло холодом.

Аня обвела глазами спины одноклассников и заметила, что Кристина по-прежнему шушукалась с соседями.

Прозвенел звонок, урок закончился. Дети загомонили в полный голос, начали оживлённо и шумно собирать с парт книги и тетради, учительница повысила голос, сообщая параграфы для изучения дома. Аня послушно открыла дневник и записала, но не все поступили так же – большинство рвануло в коридор, на ходу забрасывая за спину школьные рюкзаки.

Аня сложила в портфель вещи и спросила у соседа, который тоже не очень торопился покинуть класс:

– Следующий урок математика? Он будет в другом кабинете?

Мальчик кивнул.

– Я не знаю, куда идти, – сообщила Аня. – Покажешь?

Он снова кивнул, и протянул ей маленький блокнот, где коряво было написано: «Откуда знаешь моё имя». Девочка пожала плечами.

– Прочитала на твоей тетради.

Мальчик перевернул листок, там обнаружился новый во-

прос: «Чего ко мне села».

– Просто так, – ответила Аня и посторонилась, чтобы сосед мог свободно выйти из-за парты, пропустила его вперёд на пару шагов и пошла следом.

Кабинет математики располагался этажом выше. Андрей Земцов шагал размашисто, вразвалочку, слегка сутулясь и глядя в пол, не замечая суеты школьных коридоров. Простой чёрный рюкзак без всяких украшений небрежно свисал с одного плеча. Аня шла за ним и чувствовала себя маленькой лодочкой в кильватере ледокола.

В кабинете математики она снова устроилась рядом с Андреем за последней партой. Одноклассники по-прежнему не проявляли к ней интереса. Никто не подошёл, чтобы познакомиться, будто не появилась в их коллективе новая ученица. Даже не смотрел никто. Её соседа тоже не замечали, как будто их обоих не существовало, и последняя парта пустовала. Аня постеснялась первой заговорить с кем-нибудь. Она подумала, что было бы проще, если бы появился повод, вот как с Андреем, но ничего не приходило в голову. Аня видела, что между собой ребята общаются свободно только на первый взгляд. Все разговоры или споры происходили с обязательным участием Кристины и тех мальчиков, которые занимали парту за ней. Судя по всему, эти трое были заводилами.

Школьный день тянулся своим чередом. Аня переходила из кабинета в кабинет, следуя за молчаливым соседом, садилась за парту, доставала школьные принадлежности, слу-

шала учителей, выполняла задания, и снова переходила из класса в класс. На уроках учителя к доске её не вызывали, с места не спрашивали, наверно, давали возможность освоиться.

Аня так и не решилась заговорить с одноклассниками, если не считать соседа по парте. Но и Андрей целый день молчал и больше внимания на новую соседку не обращал.

Жаркий сентябрьский день перевалил за полдень. Закончились уроки первой смены, и ученики галдящей волной выплеснулись во двор, как шумное наводнение. За порогом школы общий поток разделился на небольшие речушки и ручейки, которые влились во встречный поток второй смены, спешащей занять своё место в классах.

Аня не спешила домой, через час после уроков в общеобразовательной школе её ждали занятия в школе музыкальной. Девочка рассчитывала перекусить бутербродами, захваченными утром из дома, в сквере около музыкалки. Времени до занятий было предостаточно.

Не успела Аня выйти из школы, её окружила группа одноклассников. Некоторые улыбались, но стоящая впереди рослая девочка была серьёзной, даже брови нахмурены.

– Пойдём, новенькая, – сказала рослая девочка, – знакомиться будем.

Тон, каким были произнесены эти слова, показался Ане не слишком дружелюбными. Не так представлялось ей доброе знакомство. Но остальные ребята опасений не вызывали. Их лица были скорее заинтересованными, а не злыми.

– Извините, ребята, я тороплюсь, – Аня попыталась обойти живую преграду, но дети заступили дорогу.

– Ничего, успеешь, мы недолго, – проговорил кто-то, – иди, давай.

И вся группа, плотно окружив Аню, двинулась за школу. Пришлось девочке идти с ними.

За школой на не слишком широкой тропинке между зданием и заборами частных домов, прижавшись к ограде, стояло небольшое одноэтажное строение из белого кирпича без окон, с плоской зелёной крышей. Деревянная дверь домика распахнута настежь, а на пороге стоит Кристина с теми мальчиками, которые сидели за ней в классе.

Группа школьников полукругом остановилась перед тремя одноклассниками, и кто-то толкнул Аню в спину, она невольно сделала шаг вперёд и оказалась в центре свободного пространства, окружённая ребятами.

Не смотря на явную грубость в поведении одноклассников, Аня пока не испытывала страха или беспокойства.

– Как прошёл первый день? – холодно спросила Кристина. Она стояла, слегка склонив голову, изящно отставив в сторону ножку и накручивая на палец золотистый локон. – Понравилось?

– Нормально, – вежливо ответила Аня. – Вы знакомиться решили? Так меня вам уже представили. Тебя зовут Кристина, как я поняла, осталось назваться остальным, и можно считать, что познакомились.

Градова приподняла бровь.

– Костик, – она слегка повернулась к русоволосому приятелю с модельной стрижкой, – она хамит?

– Похоже на то, – ответил мальчик и добавил, обращаясь к Ане, – вопросы здесь задаём мы. Дело очкариков – слушать и отвечать.

– Нехорошо так разговаривать с малознакомым человеком, Костик, – заметила Аня, – Я тебя не обижала, а ты обзываешься.

– Кому Костик, а кому Константин Эдуардович. Это раз, – высокомерно ответил мальчик. – Не обзываюсь, а говорю чистую правду: ты реально очкастая. Это два. У нас есть правила, и мы решили тебе их объяснить. Это три. С тобой разговаривают по-хорошему пока. Это четыре. Запоминай лучше, а то для тебя каждый поход в школу таким кошмаром станет, что Фредди Крюгер Красной Шапочкой покажется. Это пять. И, чуть не забыл! Ты должна извиниться. Это шесть.

Аня почувствовала, как поднимается в груди гнев, никто ещё так с ней не разговаривал.

– За что извиняться? – едва сдерживая возмущение, спросила Аня.

– Чё за фамилия такая – Гомес? – встрял с вопросом вто-

рой Кристинин подпевала – белобрысый, похожий на грызуна.

– Обычная испанская фамилия, – стараясь говорить спокойно, ответила Аня.

– Выходит, ты испанка? – удивился белобрысый. И тут же, с издёвкой, продекламировал, – Испанка-обезьянка в гости к нам явилась, говна навалила и не извинилась.

Дети за Аниной спиной захихикали и стали в разную сторону повторять дразнилку. Аня поёжилась, стало обидно, глаза защищали подступившие слёзы.

– За что я должна извиняться? – выкрикнула она. – Что я такого сделала? Я никому слова не сказала!

– Вот именно, – поучающе сказала Кристина. – Не подошла, не поздоровалась. Полный игнор классу. Рядом с немым уродом села, целый день хвостом за ним ходила. Чего-то там для него делала. Запомни: с Зёмой никто не общается. Никто из нас. Только Димке Куренёву можно. Их за одну парту посадили, а ещё Зёмина мамаша за Димкиной бабкой ухаживает. Поэтому мы для Димы исключение сделали и разрешили с идиотом водиться. А больше никто не должен. Поняла?

Кристина говорила и медленно, шажок за шажком, подходила всё ближе. В конце концов, от её дыхания у Ани запотели стёкла очков. Последние слова Градова прошипела ей прямо в лицо. На Аню пахло резким противным запахом мятной жвачки. Аня поморщилась.

– Отойди от меня, – тихо произнесла она и отгородилась портфелем как щитом.

– А то что? – с издёвкой спросила Кристина.

Аня изо всех сил отпихнула её от себя портфелем, сжимая его обеими руками. Градова покачнулась.

– Ах, ты дрянь! – взвизгнула она и, размахнувшись, ударила Аню по лицу.

Удар был таким сильным, что дёрнулась голова, очки слетели, царапнув переносицу, и упали куда-то под ноги. Аня схватилась за щёку, вспыхнувшую болью, и потрясённо установилась на обидчицу. Без очков всё вокруг потеряло чёткость, да ещё слёзы неконтролируемо хлынули из глаз. Повисла тишина.

– Вы видели, – продолжала верещать Кристина, – она меня первая ударила! Пусть извиняется за всё! Бей её!

Никто не двинулся с места. Тогда Градова грубо выдернула из Аниных рук портфель и с размаху ударила им девочку, метя тоже в лицо со стороны, неприкрытой рукой. Аня, не ожидавшая ничего подобного, не успела загородиться, слегка оглушённая отступила назад, наступила кому-то на ногу и тут же получила тычок в спину, один, другой, и вот уже все, стоящие вокруг неё дети стали с силой толкать её друг другу, щипать, дёргать за волосы и кричать: «Извиняйся! Пусть на колени встаёт!». Кристина, добившись своего, отошла к сараю, где, прислонившись к косяку, стояли оба приятеля.

– Пошли, – сказала им девочка, – Теперь она будет знать

и надолго запомнит, — что именно узнала Аня и что должна надолго запомнить, Кристина не сказала, — Венька, мой рюкзак из сарая принеси.

Белобрысый Венька вынес из кирпичного домика розовый рюкзачок, Кристина закинула его себе на плечо, мальчики подняли с земли сумки с учебниками, и они втроём спокойно покинули одноклассников, которые продолжали толкать друг другу Аню, словно она была большой боксёрской грушей.

— Зря ты её ударила, — сказал Костя. — Если нажалуется, нам влетит.

— Да ладно, — Кристина дёрнула плечом, — она одна, а нас много, кто ей поверит. К тому же все видели, что она первая начала. Я просто сдачу дала.

— А я думаю, ничего она не скажет, — вступил в разговор Венька, по привычке почёсывая нос, — очкастая из этих, которые гордые, — он хмыкнул, — испанка, блин.

Разговор сам собой иссяк, и дальше, пока им было по пути, дети шли молча.

Аня ничего не видела от слёз, она тихо вскрикивала от каждого толчка, слепо размахивала руками, пытаясь оттолкнуть хоть кого-нибудь, натыкалась на чьи-то кулаки, и чувствовала, что тычки становятся всё сильнее и больнее, а требования извинений всё яростнее и громче. Наконец, она перестала сопротивляться, сжалась, закрыла лицо и грудь руками и моталась, переступая ногами, под ударами из сторо-

ны в сторону. «Только бы устоять», – повторяла она про себя. Казалось, если упадёт – начнут бить ногами.

И вдруг все крики перекрыл чей-то яростный вопль. Избиение прекратилось, слышались возгласы «бежим!» и топот ног. Всё закончилось.

Ещё несколько мгновений она стояла, сжавшись и закрывшись руками, почувствовала чьё-то осторожное прикосновение к локтю и, вскрикнув, отшатнулась. Аня открыла глаза. Перед ней стоял грузный молчаливый сосед и протягивал сломанные очки и портфель.

Толик Зайцев учился во вторую смену, но, поскольку не ко всем урокам он относился с одинаковым почтением, то и к началу занятий не очень торопился.

Нельзя сказать, что Толик был лентяем или прогульщиком. Наоборот, учился он хорошо – твёрдый хорошист, то есть четвёрок в итоговых ведомостях о его учёбе было больше чем пятёрок, а троек не было вовсе. Но для себя к восьмому классу Толик уже определил, какие предметы для него главнее, а какие в жизни, по его мнению, не пригодятся вовсе. Биология сегодня стояла первым уроком, но она относилась к ненужным, поэтому, он не побежал в класс, услышав звонок на урок, а остался сидеть на яблоне, что росла в одном из палисадников частных домов за школой. Залез он сюда,

потому что точно знал, что хозяев сейчас нет дома, а яблоки именно на этом дереве были большие краснобокие, твёрдые и кисло-сладкие. Объедение, а не яблоки. Только собирали их хозяева с нижних веток быстро, поэтому лезть пришлось высоко, чтобы достать желанный плод с самой верхушки.

Сидя на ветке и рассматривая окрестности, Толик увидел, как у школьного сарая сначала остановилась троица из пятого «А»: Градова, Дубов и Огурцов. Потом человек десять из этого же класса привели девчонку в очках. Толик понял, что начинается разборка, потому что вся школа знала, что эти трое верховодили среди своих одноклассек и частенько приводили к сараю для вразумления не согласных с их первенством. Даже если кто-то из наказанных оказывался потом с синяками, троих заводил никто не ругал. Все знали, что родители у этих троих пятиклассек были какие-то большие шишки, поэтому их детишкам многое прощалось.

Вообще это местечко у сарая – уединённое и тихое – было местом разнообразных разборок не только среди малышни, старшеклассники тоже выясняли здесь отношения друг с другом. На переменках сюда прибегали девчонки из младших классов посекретничать или старшеклассники – покурить.

Толику стало интересно, потому что «воспитательные» силовые воздействия направлялись, как правило, на строптивых мальчишек, девочек бить было не принято.

Когда Градова двинула девчонке в очках по физиономии,

Толик приготовился поржать над редким зрелищем девчоночьей драки. Ведь девчонки по определению драться не умеют, и настоящего махача не будет, скорее всего, обойдётся выдиранием волос и воплями. Но оказалось, что Кристина не собиралась получать ответку, а тихо слилась, спровоцировав свою гоп-компанию на избиение девочки. Толик решил, что следует вмешаться, потому что одно дело, когда устанавливают превосходство один на один, и совсем другое, когда десять на одного. Нечестно это, не по-пацански. Подросток начал торопливо спускаться по веткам, но едва спрыгнул на землю, его чуть не сбил с ног табун пятиклашек, убегающих от Зёмы, воинственно размахивающего школьным рюкзаком и мычащего, как бык на корриде.

Зёму тоже знала вся школа. Вероятно, Толя Зайцев был одним из немногих, кто к нему относился с уважением. Остальные поначалу смеялись, или старались как-то задеть необычного молчаливого увальня. Но после того, как в прошлом году один из старшеклассников упал от Зёминого удара и сломал ногу, а потом целый месяц лежал в больнице, желающих задевать молчуна, поубавилось. За каждое злое слово обидчик тут же получал кулаком в нос. Зёме было всё равно сильный перед ним противник или слабый. Обидел – получи, не хочешь быть битым – молчи. Насмешки молчун научился не замечать. А насмехаться над человеком, который не обращает внимания на дразнилки, не интересно. Поэтому Зёму не трогали. Делали вид, что его нет. Так посту-

пали не только школьники, но и учителя.

Толик, молча, показал Зёме большой палец в знак одобрения, и пошёл в школу. Скользнул взглядом по сжавшейся в комок плачущей девчухе, но не остановился. Не умел он сопلي вытирать. Зёма защитил, пускай он и утешает, а Толику на уроки пора.

В музыкальную школу Аня не пошла. Мало того, что опоздала на урок, так ещё лицо опухло от слёз, на переносице царапина, а по щеке растёкся синяк от удара портфелем.

Она была благодарна Андрею за то, что он разогнал одноклассников и что проводил до дома. Беседа не очень получилась, потому что мальчик так и не проронил ни слова. Он хмурился, плотно сжимал губы и мотал головой или отмахивался, когда она в сотый раз говорила «спасибо». Только у дверей подъезда мальчик с трудом проговорил: «Н-н-не б-б-ойс-ся. Д-д-д-держ-жись м-м-мен-н-ня», – и почему-то покраснел.

Только теперь Аня поняла причину его упорного молчания. И сразу решила, что попросит папу помочь мальчику научиться говорить нормально. Странно, конечно, что его родители не обратились к логопеду. Аня точно знала, что есть такие педагоги, которые учат говорить даже глухих, а у Андрея со слухом явно всё было в порядке.

Что касается Кристины и двух мальчишек – её прихвостней, то Ане даже в голову не пришло просить о помощи родителей. Разобраться с одноклассниками надо самой, иначе нормальных отношений в классе не будет. Конечно, думала Аня, простыми разговорами делу не поможешь, потому что слушать её вряд ли кто-то будет. Постоянно прятаться за спину Андрея тоже не дело. Может, он и сможет защитить её от нового избиения, и то не везде. Не пойдёт же он вместе с ней в туалет, например. А вот от насмешек и мелких пакостей, на которые способны девочки, действующие всегда исподтишка, мальчик не убережёт. Поэтому надо, чтобы Кристина с прихлебателями извинились публично. Тогда победа будет полной и безоговорочной, и с одноклассниками больше никогда никаких проблем не возникнет.

Ещё во время разговора за школой, когда Костик пригрозил устроить ей жизнь, похожую на кошмар, и даже жуткого героя фильма ужасов припомнил, у Ани мелькнула мысль о том, как ей следует поступить.

На вопросы мамы, как прошёл первый день в новой школе и почему лицо исцарапано, Аня ответила, что в школьном дворе ей в лицо нечаянно прилетел баскетбольный мяч. Отсюда и царапина, и синяк, и очки разбитые. И на сольфеджио не пошла по той же причине. Вероника внимательно посмотрела на неё, сказала: «Хорошо, расскажешь, когда захочешь», – и больше ни о чём не спрашивала. Про синяки на спине и на руках Аня говорить не стала. Ничего, сами

исчезнут.

Зато за ужином Аня очень подробно рассказала про знакомство с Андреем.

– Сильно заикается? – спросила Вероника.

– Ага, очень. Ни одного слова сказать не может. Как ты думаешь, его можно вылечить?

Ника пожала плечами.

– Я не специалист в области логопедии, а вот у твоего папы была уникальная методика лечения заикания гипнозом. Иногда ему было достаточно двух или трёх сеансов для полного избавления от заикания. Вероника поднялась из-за стола.

– Чур, ты моешь посуду, – сказала она дочери.

Аня неожиданно легко согласилась и принялась за дело. Ника встала рядом, посмотрела сбоку на личико дочери, вздохнула. Отёк от удара спал, остатки синяка к утру должны совсем исчезнуть, но царапины так быстро не заживут, понадобится несколько дней.

– Так и не хочешь рассказать, что случилось на самом деле? Невинный взгляд чёрных глаз, пожатие плечами.

– Мам, я уже сказала. Баскетбольный мяч. Очки слетели, упали, разбились. Оправа поцарапала нос и щёку. Что ещё рассказывать?

– Мне кажется, что было несколько иначе. Думаю, ты не хочешь рассказать о каком-то конфликте. Я могла бы помочь разобраться.

– Нет никакого конфликта. Просто случайность. Ника махнула рукой.

– Хорошо. Не буду настаивать, не хочешь – не говори. Но если понадобится помощь, я всегда рядом, договорились?

– Ага, – Аня вытерла руки, чмокнула мамину щёку. – Пойду, уроки доделаю и немножко кино перед сном посмотрю, можно? Ника кивнула.

– Конечно, детка. У себя в комнате, Аня доделала уроки, сложила учебники и тетради в портфель для завтрашнего похода в школу. Забралась на кровать, установила перед собой планшет, и, надев на голову наушники, включила «Кошмар на улице вязов». Вероника, переделав все вечерние дела, наполнила два стакана кефиром и направилась в комнату к дочери. Деликатно постучав в дверь, заглянула.

– Ты уже кино смотришь? Можно с тобой? Я не с пустыми руками, – Ника продемонстрировала стаканы с кефиром. – Если хочешь, я ещё печенье принесу. Аня сняла наушники, улыбнулась.

– Кефирчик очень кстати. Конечно, заходи, только я ужастик смотрю. Ника устроилась рядом на кровати, взглянула в экран.

– О, старый добрый Крюгер. Давненько я его не видела. Посмотрю с удовольствием. Только чего это ты перед сном страшилки решила смотреть?

– Решила немного в памяти освежить, – ответила Аня чистую правду. Она действительно хотела внимательно рас-

смотреть главного плохиша, уточнить, как именно он пугал героев, и в каких декорациях.

– Включай, я с удовольствием присоединюсь. Они сидели рядом, прихлёбывали кефир, смотрели в экран планшета и думали вовсе не о фильме. Аня старательно запоминала подробности, а Ника с грустью размышляла о том, что дочка растёт и постепенно отдаляется. Вот уж и какие-то секреты появились. Как вернуть душевную близость и полное доверие дочки, что были до недавнего времени? Понятно, что фильм Аня смотрит с какой-то целью, а с какой – спрашивать бесполезно, ни слова не вытянуть, пока сама не захочет поделиться.

Глава 3

Серый УАЗик с яркой синей полосой на боках и белой надписью «полиция», кряхтя и подпрыгивая на очередной колдобине, торопился доставить дежурную группу к месту происшествия. В темноте, куда он погрузился сразу после съезда с основной дороги, как хулиганы в подворотне, поджидали неожиданные препятствия: свет фар выхватывал углы строений, нагло вылезших на дорогу, ветки кустарников хлестали по бокам кузов и норовили зацепиться за открытые окна, а то дорогу вдруг перекрыла металлическая сетка.

– Чтоб этим любителям заборов пусто было! – с чувством высказался старший сержант Блинов, в очередной раз резко выворачивая руль полицейской «буханки». – На кой фиг было со всех сторон проезд перегораживать? От отдела до школы ходу три минуты, если по прямой, а мы уже пятнадцать кружим, заборы объезжаем!

– Для безопасности, чтоб посторонние по территории не шарились, – предположил Дима Степанов и схватился за свисающую с потолка ремennую петлю, чтобы не свалиться с сидения на пол на крутом вираже. Он смачно чавкнул жвачкой и с громким хлюпаньем втянул слюну. Невысокий, коренастый, со слегка выпирающим животиком, гордо именуемым накачанным прессом, Дима был очень доволен собой. В отдел его зачислили всего неделю как, но это не мешало пар-

ню ощущать себя «крутым Уокером». Дима гордился такими же выцветшими на солнце соломенными волосами и почти тexasским загаром. Подражая киношному эталону, Степанов не вылезал из кроссовок, затёртых джинсов и рубашек цвета хаки. На этом сходство с героем Чака Норриса заканчивалось. Слабая физподготовка молодого оперативника не печалила. Минимум для зачёта имелся, к работе допущен – что ещё надо? Дима впервые выезжал на труп, и любопытство изжогой выедало нутро. Произшедшая трагедия оставалась чем-то далёким, как сообщение из новостей: лично не касается, значит – фигня.

– Безопасность на лицо – труп ребёнка в сарае, – не скрывая сарказма, пробурчал грузный пожилой криминалист. Он разительно отличался от остальных членов выездной группы не только возрастом, а было ему около пятидесяти, но и внешним шиком. Одет эксперт был так, будто не на происшествие собрался, а в театр: бежевый костюм-тройка явно шит на заказ, тёмно-зелёная рубашка с галстуком в тон идеально гармонировали с оттенком костюма, густые на зависть всем волосы, когда-то черные, а теперь цвета соли с перцем из-за седины, лежали над высоким лбом аккуратной волной. За очками в модной круглой оправе глаза казались больше, чем были на самом деле. Несомненным украшением являлись лихие мушкетёрские усы, под которыми скрывались тонкие, как бумажник нищего, губы. Он сидел около окна и упирался подошвами весьма изящных, надо отметить,

форменных туфель в ножку специально вмонтированного столика, на который водрузил и придерживал короткопалыми руками свой профессиональный чемоданчик, и потому не опасался падения. За многолетнюю службу подобные выезды стали обыденностью. На месте происшествия Михаила Даниловича Соловца интересовали только следы, которые необходимо обнаружить и тщательно зафиксировать. Чувства и переживания при производстве осмотра остались в далёком прошлом. Возглавлял группу старший оперуполномоченный Владислав Кунгуров черноволосый, черноглазый, смуглый до черноты тощий и длинный, как поднятый шлагбаум, одетый просто и удобно в джинсы, клетчатую рубашку с короткими рукавами и лёгкие кроссовки. Около двери напротив криминалиста сидела невысокая девушка-кинолог в полевом тёмно-сером обмундировании, у ног хозяйки, вывалив розовый язык, безмятежно развалилась поджарая немецкая овчарка. Собака совсем не обращала внимания на подпрыгивания машины.

– А медик со следаком подъедет? Без медика же никак? Я правильно понимаю? – озаботился Дима. – И ещё вот интересно мне, как в темноте осмотр делать будем? Михал Данилыч, в твоём чемоданчике фонарики для нас найдутся? Или как?

– Димон, не тарaxти, – беззлобно прервал поток вопросов Влад. – И кончай чмокать, достал уже чавканьем. Фонарик свой надо иметь.

– А чего ты мне не сказал? – возмутился Дима. – Я откуда знал?

– От верблюда! Блин! – Влад хотел ещё что-то добавить для вправления мозгов «мальку», но машина, взвизгнув, внезапно остановилась, и все пассажиры дружно качнулись вперёд.

– Всё, приехали. Вытряхивайтесь, – Блинов с оглушительным скрежетом дёрнул ручной тормоз. – Вот он ваш сарай, цените, пока я живой: через долбанную спортплощадку моя ласточка, как настоящая птичка перемахнула, хоть и на ладан дышит. Для освещения фары выключать не буду, только вы не очень там рассусоливайте, а то аккумулятор дохленький, если сядет, то кирдык.

– Не дрейфь, Санёк, – Влад снисходительно похлопал по плечу водителя. – Комитетские не дадут пропасть, от них «прикуришь», если что.

– А где же стажёр, который нам этот выезд организовал? – ни к кому не обращаясь, спросил Михаил Данилович. Он успел надеть чёрный рабочий халат поверх костюма, приспособить на голову налобный фонарик и теперь аккуратно спускался с подножки автомобиля.

– Может за угол отлить отошёл? – предположил неугомонный Дима, прыгивая следом.

– Разберёмся, – откликнулся Кунгуров.

К двери сарая, куда упёрся свет фар, прислонился зелёный школьный рюкзак, украшенный весёлой мордочкой

Микки-Мауса. – Данилыч, ты давай сразу к сараю, замочек посмотри, портфель тоже, следы сними, если найдутся пригодные, ну и дальше по плану подготовь всё к приезду медика, сам знаешь, не мне тебя учить. А ты, – обратился он к Блинову, – беги в школу, собери всех, кого найдёшь, желательно где-нибудь кабинетик организовать, чтоб с гражданами беседовать не в темноте, отбиваясь от комаров, а в уюте и комфорте. Со словами: «Понял, сделаю», – Дима рысцой двинулся исполнять поставленную задачу.

– Ларочка, вы с Аксаям к Михал Данилычу, – девушка кивнула без лишних слов.

– Ну, а я, пока вокруг огляжусь, может и стажёр к этому времени появится.

Кунгуров посмотрел, как криминалист перед дверью сарая раскрывает на складном стульчике свой чемодан, включил карманный фонарь, заранее прихваченный из машины, и направился к правому углу строения, где заросли сирени не чернели сплошной стеной, как слева. И сразу же головы всех прибывших повернулись туда же от его рёва: «Ети-ить... Данилыч, нашатырь давай!» В естественной беседке, созданной ветвями сирени, уткнувшись макушкой и лицом в корни кустарника лежал без движения стажёр Алексей Перов, правая рука вытянута вперёд, локоть левой торчит вбок, неловко подвёрнутая под живот. В свете фонаря кровь на светлых волосах и воротнике голубой форменной рубашки выглядела неестественно алой. Она ещё не успела свернуться, оче-

видно удар нанесён, если не только что, то совсем недавно.

– Лара! – гаркнул Кунгуров, нащупав биение жилки на шее Перова – жив, слава богу, – Аксая сюда, может, догоним уроды! Данилыч, стажёр на тебе! Криминалист, оставив возню с замком, поспешил на зов. Кинолог вместе с овчаркой успели раньше, и через мгновение чуткий собачий нос уже обнюхивал неподвижно лежащего юношу.

Влад нетерпеливо притоптывал, готовый немедленно сорваться с места вслед за кинологом. Но Аксай, понукаемый хозяйкой, повертелся на месте, а потом вдруг встал на задние лапы, опершись передними на стену сарая, и басовито залаял.

– Чего это он? – удивился Кунгуров.

– Похоже, след по верху идёт, может на стене что-то учуял, надо крышу осмотреть, – ответила девушка.

– Да ладно! – возмутился Кунгуров, – Это каким таким чудом жулик по стене на крышу залез? Он, по-твоему, таракан, что ли?

– Я не знаю, таракан он или муха, но Аксай без вариантов указывает наверх, – холодно отозвалась Лара, погладила пса и ласково сказала, – хорошо, Аксай, молодец!

Пёс повернул умную морду в сторону Кунгурова и ещё дважды тявкнул, пытаясь объяснить туповатому двуногому, что след имеется только здесь.

– Ну, я такими талантами не обладаю, – пробурчал Влад, – ты с Аксаем давай в обход, ещё следы поищи, а я акробатом

поработаю.

С этими словами он перешагнул через ноги лежащего без сознания Перова и устремился вглубь беседки, туда, где в свете фонаря ржаво поблёскивала сетка ограждения. Плетение у сетки было достаточно крупным, чтобы засунуть в его сегмент кончик ботинка. Но осуществить задуманное у Кунгурова не получилось: едва он уцепился пальцами и повис на ограждении, как под его тяжестью сетка с пронзительным скрежетом изогнулась и рухнула вместе с незадачливым «акробатом». Вслед за шумом падения послышались заковыристые возгласы упавшего.

Тем временем Михаил Данилович облил рану на голове стажёра перекисью водорода, приложил к затылку марлевый тампон, поднёс к ноздрям парня смоченную нашатырём ватку и с радостью увидел, как Алексей сморщился и раскрыл глаза.

– Вот и ладошки, – удовлетворённо проговорил криминалист, помог пострадавшему повернуться на бок и покрутил перед его лицом растопыренными пальцами, – сколько пальцев видишь?

Алексей с трудом сфокусировал взгляд. Ему понадобилось собрать всю волю, чтобы соединить воедино два тёмных силуэта с яркими звёздами на голове, сидящих перед ним на корточках, и в несколько раз уменьшить количество торчащих перед глазами пухлых пальцев.

– Два, – хрипло выдавил он. – Кажется.

– Правильно, голубчик, – похвалил эксперт и убрал влажную ватку в пакетик. – Я полагаю, сотрясение имеет место. Сейчас доктор подъедет и диагноз уточнит. Но тебе, друг мой, в госпиталь съездить очень рекомендую, хотя бы для документирования повреждений.

– Угу, – невнятно промычал Алексей, пытаясь подняться на ноги, и Соловец тут же подхватил его под руку.

– Давай-ка, я тебе до машины помогу добраться, – сказал он. – Одному-то трудненько будет.

Отряхивая джинсы от налипшей травы, ржавчины и мелкого мусора, через слово вспоминая матерей всех, кто имел отношение к установке сетки, из глубины беседки к ним подошёл Кунгуров. Лара с Аксаем тоже вернулись ни с чем.

Вся компания подошла к машине, где эксперт помогал удобнее устроиться Алексею в ожидании врача. Коренастый водитель сержант Блинов спокойно курил около УАЗа.

– Похоже Степанов подкрепление ведёт, – сержант кивнул в сторону школы.

В темноте хоть и с трудом, но можно было рассмотреть, как через спортивную площадку в сторону сарая двигаются три черные фигуры.

– Чудненько, в таком случае я, с вашего позволения, продолжу заниматься своими непосредственными обязанностями, а то коллега-медик уже здесь, а объект осмотра ещё недоступен, – с этими словами Михаил Данилович покинул машину и вернулся к дверям сарая.

– Вот, шеф, всё сделал, как ты велел, – не доходя до машины закричал Дима. – Кабинет организовал, там сейчас следачка людей допрашивать начала, тех, что в спортзале занимались. Это вот, – он показал на щуплого сутулого мужчину лет шестидесяти в черной форме с надписью «секьюрити» над нагрудным карманом, – Осипов Алексей Иванович – охранник. Ну, а медика вы и сами знаете. – Степанов мотнул головой в сторону высокого широкоплечего с гладко выбритой головой молодого мужчину в чёрном. Кожаная сумка на длинном ремне, перекинутом через грудь, тоже была чёрной. Дед судебного медика Сергея Михайловича Сомова родился в далёкой Африке сыном вождя и воином, как все масаи. Он приехал в Москву, чтобы стать врачом, да так и остался в Советском Союзе, женившись на русской девушке. От деда Сергей унаследовал кожу, цвета кофе со сливками, слегка оттопыренные уши на круглой голове, маслины круглых глаз под массивными надбровными дугами, слегка приплюснутый широкий нос, выпирающие толстые губы и пластику, присущую всем коренным жителям Чёрного континента.

Сомов молча протянул руку Кунгурову, потом сержанту, обернулся к кинологу, но, разглядев, что это девушка, кивнул ей.

– Чего-то я не понял, – удивился Влад, во время приветственных рукопожатий, – почему следователь в школе, а не здесь?

– А это, Влад, ноу хау в работе следствия, – вместо Сте-

панова сочным баритоном отозвался Сомов. – Пока мы ехали, Марина Вячеславовна мне доступно объяснила, что от трупов её тошнит, а в профессионализме опергруппы она не сомневается, поэтому доверяет тебе составить протокол от её имени.

– Вот коза драная! – вскипел Кунгуров. – Я ей составлю!... я ей так составлю...

– Да, брось ты, – флегматично прервал его возмущения сержант Блинов, щелчком запуская окурочок в полёт. – Можно подумать, ты не знаешь, что Белозёрова через неделю помощником прокурора будет. Ей на комитет уже плюнуть и растереть. Даже я знаю, что она осмотры по фоткам пишет, – он обратился к темнокожему медику, – Сергей Михалыч, потерпевшего нашего осмотри.

– Точно! Серёг, у нас там раненый в машине, – спохватился Влад.

– Так не труп, слава богу? – спросил Сомов, залезая в машину.

– Да нет, это наш стажёр от кого-то по башке получил, а доступ к трупу сейчас Соловец сработает, я ещё не видел ничего. Думал злоумышленника поймать, но только штаны порвал да вымазался, как свинья.

Пока врач осматривал голову Алексея, тот порывался что-то сказать, но Сомов никаких посторонних разговоров, кроме, как о самочувствии, не допустил. А когда беглая диагностика и бинтование головы закончились, к машине вернулся

эксперт Соловец. Его обычный вид столичного денди испарился: чёлка – дыбом, очки перекошены, усы обвисли подковой. Две фотокамеры с разными объективами болтались на груди, и он взволнованно теребил ремни руками. Тем не менее, о вежливости криминалист не забыл.

– Всех приветствую, кого не видел, – нервно поздоровался он, и, глядя на мнущегося в сторонке худого понурого мужчину в форме охранника, спросил, – это у нас кто?

– Охранник ключ от сараюшки принёс, – влез с комментариями Степанов, надул жвачный шарик и, когда тот лопнул, с чавканьем собрал резинку в рот, а потом поинтересовался, – Данилыч, ты там доступ к месту обеспечил? Шеф, может, пойдём уже смотреть?

– Слышь, Димон, я тебе русским языком сказал: не та-рахти и выплюнь жвачку! – взорвался Кунгуров, – И без тебя тошно! – И тут обратил внимание на взъерошенный вид эксперта, – что такое, Михал Данилыч? Чего это тебя так... встряхнуло?

Соловец поправил очки, взлохматил и без того торчащую чёлку, ухватился за свои камеры, как за спасательные круги, и сказал:

– Владислав, отойдём.

– Эй, что значит «отойдём»? А я? – возмутился Степанов.

– «Я» свинья и последняя буква в алфавите, – отрезал старший опергруппы. – Данилыч, тебе ключ нужен? Нет? Значит ты, Дмитрий, охрану обратно в школу проводи к сле-

дователю. Потом вернёшься, будешь протокол писать, раз их величество не желают.

Степанов выплюнул жвачку.

– Вот всегда так! Как, самое интересное, меня в ссылку. Я думал...

– Ты не думай, – оборвал Кунгуров. – Исполни!

– Пошли, – уныло сказал Дмитрий охраннику, и повернул в сторону черного без единого светящегося окна здания школы. Охранник пожал плечами и безмолвно направился следом.

– Ну, что там, Данилыч?

Но Соловец не торопился отвечать. Он ещё раз провёл рукой по волосам, поправил ремни камер на шее, переступил с ноги на ногу и только тогда продолжил.

– Хорошо, что ты Степанова отправил с поручением... Да... Так о чём это я?.. Вот что, друзья мои, сейчас мы вот как поступим... Ларочка, Саша, – обратился он к кинологу и водителю, – вы пока тут побудьте с нашим раненым, и от машины не отходите. А вы, коллега, – это уже судмедэксперту Сомову, – и ты, Влад, пойдёте. Даже очень замечательно, что Марина Белозёрова трупов боится. Очень хорошо... Лишние глаза ни к чему. Пойдёмте. Он развернулся к сараю, но тут раздался голос Алексея Перова:

– Мне с вами, можно? Я же его нашёл, я уже видел.

– Нечего там посторонним делать, – отмахнулся Соловец, но пришедшая в голову мысль заставила его остановиться и

озабоченно спросить, – Надеюсь, не фотографировал?

– Даже в голову не пришло, – слабо отозвался стажёр.

– Вот и славно, – с облегчением вздохнул криминалист. – Ты пока в машине остаёшься. Когда голова болеть перестанет, всё подробненько расскажешь. Пойдёмте, коллеги, и вот, – он достал из кармана и протянул Кунгурову свёрнутые в комочек бахилы и медицинские перчатки. – Надень. У вас, Сергей, свои?

– Разумеется, – ответил Сомов и достал из сумки белый халат и уже упомянутые вещи.

Около сарая все остановились, чтобы натянуть на обувь бахилы, а на руки перчатки. Медик облачился в белый халат. Из-под закрытой двери пробивались лучики света.

– Внутри есть лампочка, – пояснил Соловец, – но я вас, коллеги, сразу предупрежу: будьте очень, – выделил он интонацией, – очень аккуратны, объект крайне хрупок.

– Это что там в сарае хрупкое? – удивлённо проворчал Кунгуров.

– Сейчас всё поймёте, – ответил криминалист, открыл дверь, но прежде чем переступить порог, повернулся к оперативнику.

– Влад, я сейчас включу камеру, буду записывать, ты вводную часть, как положено, проговори, а дальше неофициально записывать будем, только, чтоб мы могли потом на бумагу перенести всё, что увидим. Хорошо?

– Кгм, – прочистил горло Кенгуров, – я ничего не понял,

ладно, сделаем по-твоему. А кто-нибудь знает, адрес у школы какой?

– Не важно это сейчас, просто скажи: «школа № 7». Давайте быстрее начнём, кто последним зайдёт, запереть не забудьте, – Соловец распахнул дверь и на пороге повернулся с камерой к Владу. – Очень славно, что она есть, задвижка, то есть, никто нам не помешает.

– Включай шарманку. Я готов, – и уже глядя в камеру, – Производится запись осмотра места происшествия...

Он назвал город, номер школы, дату, время и перечислил всех присутствующих поимённо, когда вводная часть закончилась, Соловец развернул объектив и шагнул вперёд, за ним Кенгуров и Сомов, который закрыл дверь и задвинул запор.

Внутри небольшой комнаты, по прикидкам Кунгурова величиной с кухню в брежневке, то есть не больше девяти квадратных метров, со стенками из необструганных досок, пахло застарелым сигаретным дымом, как бывает в редко проветриваемых помещениях, где много и часто курят и ещё чем-то смрадным, как в бомжатнике, подумалось Владу. Яркая лампа под потолком без утайки заливала тёплым светом сложенные горой старые сломанные стулья, три узкие полки на стене с картонными коробками, широкий самодельный стол под ними из таких же необструганных досок, как и стены, железную вешалку с кучей мятых рабочих халатов, несколько уличных мётел и веников. Очень аккуратное и ухоженное подсобное помещение. Даже дощатый пол чи-

сто выметен.

Посередине свободного пространства на полу лежало свернувшееся в позу эмбриона маленькое скрюченное тело в обвисшем школьном светло сером костюме. Бросалась в глаза невероятная худоба сжатых кулачков и тонких запястий, завёрнутых за спину и удерживаемых вместе толстой свободно обвисшей лохматой бечёвкой. Такая же бечёвка обвивала щиколотки торчащих из брючин ног, тоже очень тонких, настолько, что детские туфли на ступнях выглядели великанскими башмаками.

Влад сразу отошёл к дальней стене к столу и наблюдал оттуда за работой экспертов.

– Теперь, коллега, – Соловец, не прерывая съемки, обратился к Сомову, – я бы советовал ни в коем случае не прикасаться к телу руками. Воспользуйтесь пинцетами, чтобы приподнять одежду. Я, видите ли, осматривал карманы и, боюсь, разрушил тазобедренный сустав.

Сомов промолчал, только нахмурился и достал из недр висящей на боку сумки два медицинских зажима.

– Это тоже подойдёт, – одобрил Михаил Данилович. – И первым делом, попрошу вас, Сергей Михайлович, осторожно отодвинуть воротник, видите под затылком? Я думаю, что эти проколы нанесены прижизненно. К сожалению, это только мои догадки. Надеюсь, вы при лабораторном исследовании установите точнее.

Сомов опустил на корточки, осторожно подцепил зажи-

мами воротник пиджака и белой рубашки и слегка оттянул их. Открылась детская шея. Невероятно худая, даже скорее тощая, туго обтянутая тонкой серо-жёлтой, как пергамент, кожей с чёрно-красными разводами. Под линией волос в середине разводов выделялся чётко очерченный багрово-чёрный круг, по окружности виднелись множественные ранки, похожие на надрезы.

– Секундочку так подержите, я сделаю снимки, – Соловец несколько раз щелкнул затвором камеры. – Всё, я продолжаю запись. Вы озвучите свои впечатления, коллега?

Сомов ещё несколько секунд разглядывал пятно.

– Похоже на след от хиджамы, – наконец сказал он. Соловец согласно кивнул.

– Это что за хрень? – поинтересовался Кунгуров от стола, хорошенько рассмотреть оттуда не получалось, но он не сводил глаз с происходящего.

– Процедура такая медицинская. Устарела давно, – ответил Сомов, – кровопускание специальными банками. Что ещё? Кожные покровы чрезвычайно сухие, вообще, судя по видимым из одежды частям тела, я вижу, что тело мумифицировано. Не понимаю, как это могло случиться. Мне сказали, что утром мальчик был жив. А то, что мы видим... не укладывается в сознании.

– Это что, у него древней банкой всю кровь выкачали? – оторопел Кунгуров.

– Нет, конечно, это невозможно, – Сомов отпустил зажи-

мы с одежды и отложил их в сторону на пол, он хотел осторожно притронулся к голове и спине мальчика, чтобы повернуть тело лицом к свету, поскольку в пределах видимости было только иссохшее ухо и часть обтянутой пергаментной кожей скулы и нижней челюсти.

– Не трогайте! – воскликнул Соловец, но было поздно – голова и шея мальчика от прикосновения с тихим шелестом рассыпались, как рассыпается высушенный солнцем куличик в детской песочнице. Несколько мгновений – и на деревянных досках только кучка серой пыли прикрытая сверху горкой коротких русых волос около воротника скрюченной детской фигурки. Теперь безголовой.

– Ё-ооптель... – протянул Кунгуров.

– Этого не может быть, – одними губами прошептал Сомов, не отводя глаз от того, что только что было детской головой.

– Я сказал тоже самое, когда увидел мумифицированное тело, а потом ещё раз, когда понял, что объект осмотра очень хрупкий, – отозвался Соловец. – Видите на месте бедра впадина – это я пытался осмотреть карманы, а под рукой вдруг осело.

– Так, чего делать-то теперь? – Влад Кунгуров растерялся. Никто из экспертов не ответил. Они смотрели друг на друга и пытались совладать с охватившим смятением.

Из ступора всех вывел грохот, потрясший дверь.

– Эй, – возмущался из-за двери Дима Степанов, – вы чего

там заперлись? А я? Я охранника Маринке сдал и пришёл вам помогать. Открывайте, давайте! Шеф, ты обещал, что я протокол писать буду, я у Белозёровой бланки взял аж на шесть листов. Ну, вы чего?

– Господи! Только этого олуха здесь не хватало, – просто-на-просто Кунгуров, потирая лицо ладонью в резиновой перчатке. – Чего делать-то? – ещё раз, понизив голос, спросил он.

– У школы труповозка стоит, – прошептал Сомов, – давайте я принесу мешок для трупов, туда упакуем тело, то, что рассыпалось, соберём в пакет– и в лабораторию.

Соловец покачал головой:

– Рассыплется всё к едрене-фене, одну труху в одежде привезём и никому ничего не докажем, даже с записью. Я думаю, ребятки, и вы послушайте меня старика, надо сначала поумерить пыл этого молодого энтузиаста, – он качнул головой в сторону двери. – Камеру здесь включённой оставим, мало ли какие изменения произойдут, пока нас не будет, пусть фиксирует.

– А где мы будем? – вырвалось у Кунгурова.

– Не перебивай старших, – одёрнул его Соловец, – Так. Значит, камера пусть снимает, – с этими словами он осторожно на цыпочках переступил через тело и обошёл останки головы, стараясь не потревожить их, поставил камеру на стол около Влада, удостоверился, что нужная часть пола в кадре и продолжил, – мы сейчас выйдем, сарай закрём. И...

– И?.. – снова перебил Кунгуров.

– Не нашего это уровня дело, вот что я вам скажу, коллеги. Я почти тридцать лет в органах, и ничего подобного не видел, а уж вы и подавно. Надо доложить наверх. Пусть генерал решение принимает.

– Что, прямо самому начальнику главка? – поразился Влад. – А моего начальника уведомить не надо? Может, сначала начальнику РОВД Краснову позвонишь?

– Нет, это не уровень начальника РОВД, Самому позвоню, – покачал головой Соловец. – Мы когда-то учились вместе, и у меня его личный номер есть. Займись своим Димом, чтоб он к объекту не сунулся. Ну, а вы, Сергей, действуйте по обстоятельствам. Всё. Выходим.

Кунгуров подошёл к двери и громко сказал:

– Дмитрий, три шага назад от двери отошёл быстро, а то по лбу получишь, – прислушался и отодвинул щеколду.

Они вышли друг за другом, Соловец – последним. Он осторожно прикрыл дверь и снова навесил замок. Кунгуров, зацепив локоть Дмитрия, потянул его к машине, Сомов шёл за спиной Степанова почти вплотную. Соловец завернул в глубь естественной беседки за углом сарая и пропал из виду.

– Чего там? – Степанов, увлекаемый оперативником, оглядывался на судебного медика, который едва не наступал ему на пятки. – Чего дверь-то опять заперли? Я готов как пионер трудиться, не покладая ручки, – он для достоверности потряс зажатými в руках листами и шариковой ручкой.

– Угомонись, – с досадой сказал Кунгуров. – Тебе будет

новое задание. Сейчас идёшь обратно к школе вместе с судмедэкспертом. Останешься с Белозёровой.

– Не, ну я так не играю! Я хочу осмотр делать вместе с тобой, а ты меня всё время куда-то отсылаешь! Чего у Белозёровой делать? Массовость создавать? Я живую работу хочу.

– Как же ты меня достал! Хочу то, хочу сё! – снова не сдержал раздражения Кунгуров. – Мне твои хотелки до одного места. Твоё дело – исполнять мои указания. Если сам не понимаешь, доступно объясняю: все – понял? – абсолютно все допросы следователя на первоначальном этапе делаются на основе объяснений, взятых нами на доследственной проверке. Вот иди и перепиши все её допросы на бланки объяснений и время не забудь согласовать, чтоб не получилось, что ты опрашивал людей после её допросов. Вперёд!

– А труп? Я хочу... – увидев, как зверски исказилось лицо старшего опергруппы, Степанов попятился, – понял, понял, уже ушёл.

Дима опустил голову, нарочито понурился и развернулся в сторону чернеющей за спортплощадкой школы.

– А трупа нет, – проговорил подошедший Соловец.

К счастью Дмитрий отошел достаточно далеко и не услышал слов эксперта.

– Как это – нет? – одновременно воскликнула Лара и Алексей Перов.

– А вот так, – развёл руками криминалист. – Вещи мальчика, его телефон есть, а тела нет. Ошиблись вы, голубчик.

– Не мог я ошибиться, – растерянно ответил Алексей, он хотел быстро выскочить из машины, но из-за головокружения едва не вывалился наружу. С одной стороны его удержала от падения крепкая рука водителя, дымившего очередной сигаретой, а с другой – цепкая подмога кинолога.

Кунгуров и Сомов переглянулись, но промолчали. Михаил Данилович пригладил рукой в медицинской перчатке волосы надо лбом.

– У вас, Алёша, сотрясение, а это, знаете ли, чревато... – Соловец поправил очки на носу, – спутанностью сознания, правда, коллега? – обратился он за подтверждением к Сомову. Тот неопределённо покачал головой, то ли соглашаясь, то ли удивляясь такому предположению. – Ну, вот, доктор со мной согласен. Пришлось доложить, что вызов был... ошибочным. Сейчас начальство понаедет...

Соловец обратился к Кунгурову:

– Владислав, уж не обессудьте, что распоряжаюсь, но мне кажется, что машину с санитарями можно отпустить. Это раз. Мальчику раненому в больницу бы желательно попасть, да и кинолог вроде тоже больше не нужен, может быть Сашу попросить, чтобы он их развёз? Как вы считаете? Я ни в коем случае не командую. Просто добрый совет.

Влад Кунгуров стянул с рук перчатки, несколько раз сжал и разжал ладони. Он поймал выразительный взгляд криминалиста и ответил:

– Михаил Данилыч, я ведь старший только в отсутствие

следователя, а Белозёрова здесь, то есть не прямо здесь, а там, но всё же здесь... – запутавшись, Влад скомкал перчатки и махнул рукой. – Ладно, семь бед... Короче, так и сделаем. Санёк, – обратился он к воителю, – доедешь до школы, заберёшь Степанова, скажешь, что я велел ему стажёра к врачу сопровождать, ну, подождёте пять минут, пока он там объяснения переписывает. Потом Лару в отдел доставь, оттуда прямо в госпиталь. Потом с Степановым остаётесь в отделе. Ларочка, если дежурный спросит, скажи, что мы ещё работаем.

– А если Димон меня пошлёт куда подальше? – поинтересовался Блинов.

– Не пошлёт. Скажешь, что я ему голову откручу.

– Если дежурный спросит, сказать, что тело не обнаружено? Что ошибся стажёр? – уточнила Лариса.

– Ага, – кивнул Кунгуров, – именно так и скажи. Пока вы едете, я ему позвоню, предупрежу. Сергей Михайлович, – обратился оперативник к Сомову, – ты останешься или уедешь?

Судмедэксперт задумчиво выпятил и без того пухлые губы. Он размышлял. С одной стороны, если уже сказано, что тело не обнаружено, то ему делать здесь абсолютно нечего, но в действительности-то всё иначе. Они столкнулись не просто с загадкой, произошло что-то совершенно непостижимое. Уехать, значит, ничего не узнать. Прикоснувшись к тайне, Сомов не мог не попытаться узнать, как будут разви-

ваться события дальше. И что произошло на самом деле. Хотя бы с точки зрения судебной медицины.

– Труповозку я отпускаю, – ответил он, – но сам останусь, и мальчика-стажёра, может быть, тоже отправлять пока никуда не надо?

– Давайте, друзья мои, не будем спорить, – твёрдо сказал Соловец. – Я сообщил Николаю Васильевичу, что на месте останутся только те, кто видел. Поэтому уехать должны все, кроме нас троих. Это не обсуждается.

Кунгуров покачал головой.

– Как потом мне оправдываться – не представляю.

– Ты пока об этом не думай. Ты о том, что в сарае думай.

А руководство уже в пути, Николай Васильевич обещал, что будет в течение часа. Идите, коллеги, отправляйте всех отсюда. Ты уж постарайся, Влад, чтобы не в меру энергичный Дмитрий и госпожа следователь уехали. Будем ждать начальство.

Глава 4

Начальство в лице Колыванова Николая Васильевича, неделю назад вступившего в должность начальника Главного Управления МВД, и областного прокурора Санджиева Захара Хонгоровича действительно уже было в пути.

Вечер у Колыванова начался прекрасно. Сегодня была годовщина свадьбы, день рождения семьи, как говорила его жена Татьяна. Она традиционно пекла пирог с черникой и покупала портвейн, называемый в народе «Три семёрки». Популярное когда-то за свою дешевизну и вполне приличный вкус вино их молодости. Сегодня можно позволить себе какой угодно алкоголь из любой страны мира, но дело ведь не в напитке, а в сложившейся семейной традиции и памяти о юности. Тогда, больше тридцати лет назад, свадьба пришлась на самый пик антиалкогольной компании, поэтому выпивки на столах было мало, а домашней выпечки много. С тех пор каждый год, если получалось, они устраивали уютные вечерние посиделки с пирогами и бутылкой дешёвенького винца для души.

Утром Татьяна решительно объявила, что пригласила чету Санджиевых, тем более, что юбилей общий – в один день женились. Вот так перед фактом поставила, что хочешь теперь, то и делай с этим фактом. Сожми себя в кулак и принимай гостей. Так подумал Николай Васильевич в первую

минуту и рассердился.

«Не знаю, какая кошка пробежала между вами, но нам теперь тут жить, и со старыми друзьями ссориться – последнее дело, – сказала Татьяна. – Поэтому, хочешь ты или нет, а они со вчерашнего дня у нас на даче. Я Лиле неделю назад рассказала, как мы обычно отмечаем. Предупредила, что будем только мы вчетвером. Она так обрадовалась, обещала, что Захар барашка привезёт, кюр приготовит, а его сутки запекать надо, поэтому я ей ключи от дачи ещё третьего дня отдала. Будь добр, не задерживайся на службе, мы тебя ждём не позже шести».

«Не было никакой ссоры», – буркнул Николай Васильевич для порядка, а на душе полегчало, будто давивший на неё много лет камень-слон, вросший так, что ощущаться перестал, свалился, наконец.

Николай Васильевич по приезду в родной город Захару Хонгоровичу позвонил, конечно. Но Санджиев разговор прервал словами: «Извини, занят», и не перезвонил. Что ж неясного?

Две недели назад Колыванов устроил фуршет, что называется «обмыл» должность и «влился» в коллектив руководства области в неформальной обстановке. Было бы странно, если бы областной прокурор проигнорировал приглашение нового начальника Главка МВД. Но чествовать виновника торжества Санджиев поручил своему заму, а сам сидел с непроницаемым лицом, пил минералку, к еде не притро-

нулся и очень быстро покинул высокое собрание. Колыванов отметил это и с горечью подумал: «Глядите, какие мы принципиальные! В доме врага не едим, спасибо, что хоть воду пьём. Тоже мне, Эдмон Данес!» Хотя никакие они не враги, и это не дом, а вовсе даже ресторан, а вот поди ж ты.

На даче всё сложилось по-другому. Аромат готовящегося мяса распространился, кажется, на весь посёлок. Во всяком случае, Колыванову показалось, что оглушительный мясной дух ворвался в открытые окна его машины уже на подъезде к дачному кооперативу. А возле калитки родного участка благоухало так, что у голодного Николая Васильевича живот подвело, и слюна разве что через губу не потекла. Он увидел, как Татьяна с Лилей весело суетятся под навесом у накрытого на улице стола.

Чуть в стороне от них Захар – босой, в расстёгнутой рубашке с засученными до локтей рукавами и подвёрнутых до колен потёртых джинсах – сидит на корточках у костра и неторопливо помешивает что-то в висящем на треноге котелке. Легкомысленная соломенная шляпа с лохматыми широкими полями шалашом прикрывала ему лицо. Ни за что не догадаешься, что это прокурор области просто варит суп – словно шаман готовит булькающее зелье.

При мысли о «шамане» сжалось сердце. Ох, не к добру вспомнилось. Колыванов внутренне напрягся и подобрался, как пловец перед прыжком в воду, вышел из джипа, махнул рукой: «Всем привет!» – распахнул калитку и вернулся в ма-

шину, чтобы въехать во двор.

Увидев, что хозяин дачи открывает ворота, Санджиев аккуратно положил ложку на блюде, стоящее тут же прямо на траве, поднялся, сдвинул на затылок смешную шляпу и тоже приветственно махнул в ответ, но не подошёл, а опять опустился на корточки около костра и снова погрузился в процесс помешивания.

Он не изменился вовсе, будто не было тридцати лет. Остался, каким его помнил Колыванов со времён их общей армейской молодости, когда никому в голову не приходило называть их по отчеству. Был тогда просто Захарка – отличный парень и лучший друг, почти брат: высокий, плотный, слегка кривоногий, неторопливый, с малоподвижным лицом.

Давешний слон, что свалился было с Колывановской души, привычно поставил ногу на прежнее пригретое годами место. Душа вздрогнула и замерла.

Не успел Николай Васильевич выйти из машины, подбежала Лиля целоваться, и после взаимных приветствий, как в былые времена, они в обнимку направились к костру. Захар перестал, наконец, медитировать над котелком, и буднично, словно и не расставались никогда, распределил обязанности, потому что предстояло не только снять с огня горяченный котелок с маханом, но и произвести раскопки под костром, где томился кюр – бараний желудок, полный потрясающего мяса. Доставать сокровище – дело мужчин, так же как и рас-

кладывать горячую ароматную баранину на тарелки.

Николай Васильевич поставил и заправил на веранде самовар. Около колонки в большом тазу с холодной водой остывал арбуз, привезённый, видимо, тоже Санджиевыми.

Сели за стол, где на почетное место, конечно, водрузили традиционный черничный пирог и бутылку «Трёх семерок». Хотя и положено хозяину дома раскладывать мясо гостям, но Санджиев, на правах повара и знатока традиций, сделал всё сам. Колыванов с восхищением смотрел, как Захар ловко добывает из дымящегося нутра бараньего желудка исходящее соками мясо почти голыми руками и виду не подаёт, что горячо.

Принялись за еду, обжигаясь и посмеиваясь друг над другом, пили портвейн за встречу после долгой разлуки, за трёх дочерей Санджиевых, уехавших в Москву. Захар чокался стаканом с водой – алкоголь он не признавал. У Колывановых детей не было, не сложилось. Вспоминали друзей и общих знакомых, которых растеряли за тридцать лет.

Напряжение, не отпускавшее Николая Васильевича, закрутилось тугой воронкой и распространялось кругами. Его чувствовали все. Разговоры подруг замирали, приходилось заполнять неловкие паузы тостами, после которых все дружно жевали. Почти каждая фраза у Татьяны и Лили начиналась: «а помнишь...», и, перебивая друг друга, они то весело хихикали, то вытирали навернувшиеся слёзы.

Быстро стемнело. Ночь отгородила их навес от окружаю-

щего мира непроницаемой стеной, и атмосфера за столом стала интимной и уютной от стрекотанья сверчков и шелеста крыльев бестолковых мотыльков, выющихся вокруг светильника.

Николай Васильевич и Захар Хонгорович не принимали участия в женских обсуждениях, придумать тему чисто мужского разговора у Колыванова не получалось, потому что кроме работы у них с Санджиевым осталась только одна общая тема, но не говорить же об этом сейчас – весь праздник испортишь. Вот и женщины говорят о чём угодно другом, хотя тема эта близка им всем. Потом, может быть, один на один сядут они вдвоём и по-мужски поговорят начистоту. Но не сейчас. А больше им с Захаром, оказывается, и говорить не о чем. Вот и сидят два сына. Он молчит, Санджиев молчит, сидит истуканом, ест мясо, пьёт воду, трезвенник, едрит его налево. Выпил бы винца, а лучше водочки, глядишь, беседа бы и завязалась. А так... вроде и хорошо сидят, душевно, а все ж стоит между ним и Захаром стена, и слон проклятый по-хозяйски по Колывановской душе топчется, примеривается, как половчей на обжитом месте устроиться.

Так продолжалось, пока женщины не переключились на обсуждение внешности американских артистов. Лиля сказала вдруг, что Ричард Гир, по её мнению, образец мужской красоты, а Татьяна ей в ответ, что, дескать, ничего удивительного, ведь «нашего дорогого Захара», как и Гира, можно описать двумя фразами: «много-много щёк, мало-мало

глаз». Лиля замерла и вытаращила глаза, соображая, обижаться или нет, а Захар рассмеялся, да так заливисто! Глядя, как он откинулся на спинку стула, как хлопает себя по ляжкам, а его узкие калмыцкие глаза совсем утонули в щеках, удержаться от смеха было невозможно. Общий дружный хохот тараном врезался в стену отчуждения. Слоновья туша испуганно отдёргнула ногу. Обстановка разрядилась.

Вот и до чая с пирогом дело дошло. Захар больше не походил на отрешённого Будду, случайно попавшего на чужой праздник. Он принёс и начал нарезать арбуз. Тонкая полосатая кожа от лёгкого прикосновения ножа с хрустом лопнула. Арбуз плюнул в окружающих сочной, свежей, охлаждённой в колодезной воде мякотью и развалился на несколько больших кусков. Несколько красных ошмётков смачно ляпнулись на Захаровы джинсы. И это вызвало новый взрыв хохота. Хозяин испачканных штанов смеялся громче всех и анекдот рассказал про арбузы, и все развеселились вдвойне, потому что к месту. Николай Васильевич занялся самоваром и совсем расслабился.

Но тут Лиля радостно сообщила, что арбуз им привёз из Астраханской командировки Тим. Смех замер. Санджиев, снова невозмутимый, как тибетский монах, сосредоточенно кромсал арбуз на дольки и методично срезал кожуру. В итоге оказался весь перепачкан арбузным соком. Но «будды» не обращают внимания на такие мелочи. Татьяна бросилась готовить стол к чаю. Лиля схватилась за полотенце и стала со-

вать его мужу. Она огорчённо и виновато оглядывалась, не зная, как исправить положение. Колыванов закурил.

Когда-то, так давно, что кажется в другой жизни, их было трое. Три друга не разлей вода: Коля Колыванов, Захар Санджиев и Саша Беркут. Они познакомились и сдружились ещё в армии. Особенно близко сошлись Санджиев и Беркут. Сашка шутил, что их с Захаром, наверное, степь роднит как братьев: один в калмыцком улусе верблюдов пас, другой – в Ставропольском селении лошадей, поэтому Колыванову – сыну асфальта и кирпичных домов их вольную степную душу не понять. Немного задевало Николая, когда слышал такое, но он не обижался, потому что и в самом деле ничего, кроме родного города, не видел, если только в кино. Дружба за два года армии окрепла, и признали «степняки» Николай частью братства.

После армии все вместе поехали в родной город Колыванова и поступили в школу милиции. Каждый любовь в этом городе нашёл. Через два года в один день три свадьбы сыграли. Дальше служба развела-разделила. Санджиев стал следователем прокуратуры, оперативники Беркут и Колыванов уехали по назначению в Сибирь, специально вдвоём попросились, чтоб работать вместе. Поначалу связи с Санджиевым не теряли, перезванивались, ездили в гости друг к другу. Но случилась операция по уничтожению Шамана. И вышел на банду именно Беркут.

Сашка обладал удивительным чутьём: любую, поставлен-

ную перед ним задачу, будто сверху видел, все ходы мгновенно рассчитывал. Захар говорил: «Не просто так твоему роду предки имя дали – Беркут. Ты, Саша, на мир по-орлиному смотришь». И, правда, пока другие головы ломали, размышляли, как поступить, Сашка уже результат выдавал. Скорый был на решения, быстрый на дела, и смелый до безрассудства.

Чтобы себя обезопасить, бандиты выкрали пятилетнего сына Беркута Тимофея. И Сашка, нарушив все запреты, пренебрегая приказами, ушёл к бандитам. Когда банду ликвидировали, уцелевшие преступники утверждали, что Беркут у них был, говорил с Шаманом один на один. О чём договорились – неизвестно, только после разговора оба в тайгу ушли. Ни Беркута, ни Шамана больше никто не видел. Мальчика вряд ли нашли бы, невозможно такой огромный лесной массив прочесать. Но спустя несколько дней в палатку поисковиков подбросили написанную Сашиным почерком записку с указанием места, где держали Тима.

Колыванов и сейчас помнил, как дрожали руки, когда он вытащил из глубокой ямы жмущегося даже в тени Тимофея. И как глупо прозвучал его вопрос, когда мальчик, наконец, открыл глаза: «Есть хочешь?»

По сей день Николай Васильевич винил себя в трусости: он видел, как ночью уходил из палатки Сашка, но не остановил, даже не попытался, и вместе с ним не пошёл – прикинулся, что спит. Позже его перевели на повышение, и он

помог Тамаре – Сашиной жене вернуться с сыном в родной город, но в глаза ей до сих пор прямо смотреть не мог. Не забыть ему и того, как сидел Санджиев за столом и внимательно слушал его рассказ об исчезновении Беркута, а потом, не сказав ни слова, ушёл. С тех пор и не общались. Жёны ещё какое-то время переписывались, перезванивались. но постепенно и это прекратилось.

Для себя Колыванов решил, что Тимофея вниманием не оставит, будет помогать. А когда узнал, что Тим пошёл учиться в академию МВД, Николай Васильевич поставил себе цель сделать из парня уникального специалиста, который следственно-оперативную работу «от и до» знает. Чтобы заложенную в академии теорию подкрепляла практика во всех оперативных подразделениях и на следствии. Тимофею о такой «опеке» знать было, конечно, не обязательно, тем более, что лёгкой службы при таком раскладе не видать. Теперь, когда генерал вернулся на малую родину управлением МВД командовать, «приглядывать» за сыном друга стало совсем просто. А Санджиев к этому времени уже прокуратуру в области возглавил. От прежней братской дружбы у Колыванова и Санджиева одна тень осталась, но их по-прежнему сближала память о друге, и Тимофей был одинаково дорог обоим.

Колыванов курил, чувствуя, как стена отчуждения цементирует пробоину, а подлый слон радостно угнездился всем весом на давно насиженном месте. Раздражение и моральное напряжение, которые Николай Васильевич старательно пря-

тал много лет, достигли, наконец, критической массы и выплеснулись волной, огромной, как цунами, и такой же безудержной. От накатившего гнева аж в глазах потемнело. Какого чёрта, подумал Колыванов, глубоко затягиваясь сигаретным дымом, какого чёрта я рефлексирую, как барышня на первом свидании, ах, что обо мне подумают, ах, что мне скажут. Я боевой офицер, у меня за плечами задержаний немерено и четыре ранения, я давно доказал и себе, и всем вокруг, что не трус, а сейчас боюсь первым начать разговор. А они, все трое, близкие и дорогие люди, не хотят делать мне больно. И Захар тоже не хочет. Четверть века назад не поговорили, потому что боль была нестерпимой. Но столько времени прошло! Хватит! Санджиев – человек закрытый, ему труднее сделать первый шаг к примирению. Но вот приехал же, стол накрыл, а это дорогого стоит. Может эту стену не Захар, а он сам возвёл у себя в голове и слона этого дурацкого придумал, а в действительности не было никогда ни стены, ни слона, истоптавшего душу.

Николай Васильевич решительно смял недокуренную сигарету в пепельнице и приготовился сказать: «Давайте выпьем за Сашкину память».

Ожил и пронзительно заверещал на столе Колывановский телефон. Все четверо вздрогнули, как воришки, застигнутые на месте преступления, и уставились на эпилептическое дёрганье смартфона. На дисплее высветился ряд цифр – не известно, кто звонит.

По какому поводу будут беспокоить генерала поздним вечером? Надо надеяться, что не с работы, а просто номером ошибся кто-то.

Колыванов ответил на звонок. Долго слушал, при этом они с Санджиевым пристально смотрели друг на друга. Само собой стало понятно: что-то нехорошее случилось. Лиля с Татьяной тоже озабоченно запереглядывались.

Когда Колыванов закончил разговор словами «скоро буду», Захар Хонгорович поднялся из-за стола.

– Тебе нельзя за руль, давай ключи от машины, я поведу, – сказал он.

Это были, наверное, первые слова, обращенные от него лично Николаю Васильевичу за последние двадцать пять лет.

Всю патетику момента опять испортила Лилия.

– Куда ты собрался в таких штанах! – воскликнула она, хватая за руку мужа. – Разве можно в таком виде на людях показываться!

Захар Хонгорович оглядел себя, насколько это было возможно сделать без зеркала.

– Ночь. Темно, – невозмутимо ответил он. – Другой одежды нет. Поехали, Коля.

– Погодите, – вмешалась Татьяна. – В доме есть Колины спортивные брюки и чистая футболка, всё приличнее. И объясните же, что случилось? Николай, кто звонил?

– Это был Миша Соловец, помнишь такого? – обратился

он к Санджиеву.

– Эксперт, – кивнул Санджиев.

– Он сейчас на происшествии. Там у них непонятки с трупом. Надо ехать. Но девочки правы, штаны переодеть стоит – несолидно.

Санджиев пожал плечами и в сопровождении Татьяны пошёл в дом.

Николай Васильевич тоже был одет по-домашнему. Прежде чем ехать на дачу, он облачился в лёгкие бесформенные брюки с завязками на поясе и широченную рубаху в весёленьких бледно-зелёных загогулинах. Татьяна говорила про рубаху, что она «в огурцах», и очень ей нравится, потому что одетый подобным образом муж похож на нормально-го человека.

Вернулся Захар Хонгорович в черной футболке с мордой оскалившегося волка во всю грудь и светло-серых мешковатых спортивных брюках, слишком широких и длинных для него, поскольку, не смотря на плотное телосложение и высокий рост, был он гораздо худее Колыванова и на полголовы ниже.

– Два гопника из подворотни, – скептически оценила их внешний вид Татьяна. – Ещё сланцы на босые ноги – и картина будет полной. Заехали бы домой, оделись по-человечески. Что за спешка такая? Что такое случилось, что два генерала на ночь глядя должны куда-то мчаться сломя голову?

– Служба, Танюш. Домой заезжать некогда. Ты лучше во-

рота открой, – отмахнулся Колыванов. – Поехали, Захар, по дороге расскажу, что почём.

Они сели в машину, и массивный джип осторожно, будто на цыпочках, выкатился со двора.

Татьяна с Лилей постояли у ворот, посмотрели в след, пока габаритные огни автомобиля не исчезли за поворотом.

– Что, подруга, пошли чай пить? – предложила Татьяна, закрывая ворота, и посетовала, – Я так надеялась, что когда Коля станет генералом, его на происшествия дёргать не будут. Захара твоего часто по ночам вызывают?

– Нет, – улыбнулась Лиля. – В прокуратуре работать намного спокойнее.

– Везёт! – завистливо вздохнула Татьяна и направилась к дому. – Пошли, самовар ждёт, пирог сохнет. Ты обратила внимание, как мужики технично от уборки увильнули? Ну и ладно. Посидим, почаёвничаем. Расскажешь на свободе про Тимофея, про Тамару. Сто лет их не видела.

По поселку ехали медленно и молча. Санджиев сосредоточенно вёл громоздкую машину, опасаясь на узких улочках зацепить чей-нибудь забор, а Колыванов растерял вдруг всю решимость и подыскивал слова для начала разговора.

Наконец, «Ленд Крузер» выехал на трассу и помчался во всю мощь, на какую был способен.

– Ты особо-то не гони, а то сейчас какой-нибудь бдительный гайшник из-за куста выпрыгнет и оштрафует, – первое, что пришло в голову, сказал Николай Васильевич. Санджиев дёрнул ртом – усмехнулся:

– Это вряд ли. Но было бы весело посмотреть на бледный вид этого бедолаги, когда он рассмотрит, кого остановил.

– Не все подчинённые пока в лицо начальство знают.

– Плохо ты, Коля, о своих подчинённых думаешь, особенно про гайцов. Фото нового начальника главка они раньше всех изучили, а уж машину твою каждый из них, ночью разбуди, опишет до последней царапки на стекле. К бабке не ходи! Так что не волнуйся, не остановят.

Лента дороги ровно стелилась под колёса. В ушах шелестел залетающий в открытые окна ветер. Колыванов хмыкнул, качнул головой и начал:

– Захар, понимаю, что сейчас не самое подходящее время, но...

– Я долго думал, как бы поступил сам, – тяжело, как-то даже сурово перебил на полуслове Санджиев, словно не прерывался тот разговор. Он не отводил сосредоточенный взгляд от дороги. – Лиля как раз Альмину родила. И если б какая-то сволочь украла дочку, клянусь Великим Небом, я бы тоже ушёл за своим ребёнком, никто б меня не остановил, – Санджиев глубоко вздохнул. – Ты правильно сделал, что не стал его держать. А что с ним не пошёл... Я не знаю, как бы поступил на твоём месте. За все эти годы ответа не нашёл, –

снова глубокий вздох. – Саша поступил, как должен был. У каждого свой путь. Я был неправ. Прости меня.

Он замолчал и протянул Колыванову руку. Николай Васильевич растерялся.

Это всё? Так просто? Они двадцать пять лет – полжизни – не разговаривали. Половину, едрит твою налево, своей жизни профукали на чувство вины и осуждение. А требовалось просто поговорить. Проходит всё, прошло и это. Теперь нам море по колено, и мы взлетим до облаков. Бразильский сериал. Эпизод пятьсот восьмой. Друзья встречаются после долгих скитаний, утрите сопли.

Колыванов пожал протянутую ладонь.

– Ну и дураки же мы.

– Факт, – подтвердил Санджиев и потребовал, – Теперь рассказывай, что там у Соловца.

– Там чудеса: там леший бродит, русалка на ветвях сидит.

Захар изумлённо покосился на него. Николай Васильевич пожал плечами.

– Что смотришь? Он так и сказал: «у нас чудеса». Мальчик, ещё утром живой и здоровый, обнаружен в школьном сарае в состоянии мумии. При осмотре тело рассыпалось в прах.

Санджиев протяжно присвистнул.

– Соловец пьяный что ли?

– Судя по голосу, нет. Перепуганный – да.

Помолчали.

– Много народу эти «чудеса» видели? – спросил Санджиев.

– Я так понял, трое: Соловец, судмедэксперт и старший опер.

– И всё? Действительно чудеса. А остальная группа где в это время была? Например, следователь? Соловец не сказал, кто следователь?

– Какая-то Белозёрова. Мне это ни о чём не говорит. Я никого не знаю.

– Зато я знаю, – отозвался Санджиев. – Это дочка прокурора Центрального района Славки Белозёрова. Помнишь Славку? Он со мной на следственном факультете учился на курс младше.

– Не помню, – хмуро ответил Колыванов. – Что за дочка? Умница-красавица?

– Овца. У меня на столе приказ о её переводе в прокуратуру лежит. Рука не поднимается подписать.

– Отличные кадры, – вздохнул Николай Васильевич.

Машина свернула с основной дороги и через минуту въехала в темный школьный двор. Пятиэтажное здание глядело в ночь стёклами больших окон, в которых поблёскивали отраженный свет фонарей, стоящих вдоль дороги, и короткие росчерки фар проезжающих автомобилей. Возле школы фонари не горели. Только над парадной дверью здания под каменным козырьком тускло светилась лампочка, упакованная в кокетливый маленький фонарик, стилизованный под ста-

рину – её света хватало ровно на две ступеньки перед дверью.

– Приехали, – сказал Санджиев и заглушил мотор. Они вышли из машины и огляделись. Колыванов с хрустом потянулся.

– Что-то я никого не вижу, – сказал он. – Чёрт знает что! Соловец где?

– Кстати, откуда у него твой номер? – поинтересовался Захар Хонгорович.

– Два года назад в области, где я раньше служил, на базе нашего управления проходила конференция криминалистов. Я тогда начальником штаба был и организацией этого мероприятия занимался. А Соловец был откомандирован от кримуправления вашего СУСКа. Мы с ним ещё со школы милиции знакомы. Не один литр самогона вместе выпили, хоть и на разных факультетах учились. После выпуска не виделись. Вот на конференции встретись, телефонами обменялись. У меня его визитка тоже где-то лежит.

– Понятно. Пошли в школе спросим. Или Соловцу позвоним. Чего это он начальство вызвал, а сам не встречает? Непорядок.

Они прошли только половину большого школьного двора, как дверь в здании приоткрылась, и из-за неё выглянул тощий унылый человек в чёрной форме охранника.

Алексей Иванович Осипов, которому так не повезло дежурить в этот день, в окно заметил чёрный джип, когда он ещё только свернул с дороги в сторону школы. В том, что

на таких машинах только братки ездят, Алексей Иванович нисколько не сомневался.

Из машины вылезли и пошли к школе два рослых мужика – один потянулся ещё, наверно, долго ехали. Чего им надо? Когда подошли совсем близко и остановились прямо перед ступеньками, охранник их хорошенько рассмотрел и укрепился в правильности впечатления. Как есть бандиты, только не шушера мелкая, а как это у них называется? Паханы! Чужие, правда. Местную братву он хорошо знал. А эти новые какие-то. Тот, что повыше и потолще, видать, боксёр: вон нос, как у Бельмондо, на бок сворочен. Голова бритая, цепь золотая под рубашкой поблёскивает. А кулачищи-то, мама дорогая, такими быка задушить можно. Бугай, одним словом. А второй, помельче, но тоже здоровый, китаец, что ли? Или казах? А может узбек. Морда плоская, как блин, глазки-щёлочки. Ишь, вырядился, будто ему двадцать лет: мотня висит, штанины землю метут, волчара на груди скалится. Хотя сразу видно, вещи на обоих добротные, дорогие. А сами не молодые уже, между прочим. И физиономии эти, совершенно точно, Алексей Иванович уже видел где-то. Только не помнит где. Не юнцы какие, навряд ли буянить будут.

– Вам чего тут надо? – настороженно спросил охранник. – Идите отсюда, куда шли. Это образовательное учреждение, – во, как завернул, самому понравилось, солидно прозвучало.

Посчитав разговор законченным, он вознамерился дверь

закрыть. Китаец или казах, кто этих азиатов разберёт, резко ухватил дверную ручку, не позволил сторожу за ней спрятаться:

– Минутку, уважаемый. Есть здесь кто-нибудь из полиции? – вежливо говорит, отметил Алексей Иванович и приободрился.

– А вам зачем? – охранник прикрывался дверью, как щитом. – Какое вам дело до полиции?

– Мы тоже из полиции, – вступил в разговор бугай. – Своих ищем.

– Вон ка-ак? – удивлённо протянул охранник. – Не похожи вы что-то на полицейских. А документики у вас имеются?

Приезжие синхронно полезли в карманы штанов и вытащили удостоверения. Охранник внимательно их прочитал и сразу вспомнил, где видел раньше эти физиономии. Ну как же он мог так опростоволоситься! Ведь только вчера по телевизору этих двоих показывали в местных новостях. Оба в форме, на каждом плече по одной большой звезде. Генералы, значит. Рассказывали про рост преступности и как они с нею борются. Известно как – никак. Узкоглазый – прокурорский самый главный, а который бугай – новый милицкий, тьфу, то есть полицейский начальник. Вот и понятно сразу, что полиция и бандиты одним миром мазаны: без формы не разобрать, кто есть кто.

– Ну как же, как же, была здесь полиция, – засуетился охранник и распахнул дверь. – Парень и барышня в классе

сидели, людей допрашивали. Ещё за школой ваши у сарая чего-то делали. И машин понаехало всяких. И собака служебная приезжала. Всё честь по чести. Про мальчонку какого-то выпрашивали, вроде как ученик наш сначала пропал, а потом мёртвый в сарае нашёлся. Я, правда, сам не видел, врать не буду. Важная барышня допрашивала всех, кто в зале занимался и меня. Ключи от сарая парень приходил взять и меня к сараю водил. Только сарай тот и без ключа ваши специалисты открыли. А потом все уехали. Барышня ругалась очень. Да вы проходите, чего на пороге-то стоять.

– Вот тебе и здрастье, – сказал Захар Хонгорович. – Вообще все уехали? Вы уверены?

– Про тех, что около сарая были, не скажу. А те, что здесь были – точно. Сами же видите, что нет никого. А про мальчонку сказали, что, вроде, ошибка вышла.

Санджиев с Колывановым переглянулись.

– Тогда пошли к сараю, – решил Колыванов. Он обратился к охраннику, – вы..., кстати, как вас зовут?

– Алексей Иванович Осипов, – представился тот и подумал, что, нормальные мужики: не важничают, не хамят, пальцы не гнут, ксивами не размахивают – даром, что генералы.

– Очень приятно, меня зовут Николай Васильевич, это Захар Хонгорович, – продолжал Колыванов, – покажите нам, будьте так любезны, где у вас сарай располагается.

– И мне приятно, – заулыбался польщённый генеральской

вежливостью Осипов. — Покажу с превеликим удовольствием, от чего не показать? Пойдёмте.

Он проводил их до школьной спортивной площадки и указал рукой в темнеющие за ней густые заросли какого-то пышного кустарника. Ночь налилась уж совсем чернильной теменью, хотя время, как говорит молодёжь, еще детское, десяти нет. При свете ущербной луны спортплощадка просматривалась полностью, и было видно, что никакой машины нет. В зарослях угадывалось какое-то небольшое строение, вероятно, дощатое, потому что виднелись полосы света, пробивающиеся через щели в его стенках.

Колыванов с Санджиевым ещё немного постояли с охранником на школьных задворках. Николай Васильевич выспросил, давно ли тот работает в школе, и спокойная ли обстановка, в смысле хулиганов.

Тот ответил, что его дело — в школу посторонних не допускать. Он и не допускает. Если кто за детишками приходит, те на улице ожидают, а если кому надо с учителями или с директором поговорить, таких он, как положено, в специальную тетрабочку записывает. А которые по вечерам в спортзале упражняются, для них отдельная тетрадь заведена со списком, он только плюсики напротив фамилий в специальной табличке проставляет. Люди занимаются взрослые, серьёзные, порядок знают. Так что не думайте, понятие об учёте у охраны имеется. Работает он здесь уже год, как и его сменщик. Вдвоём, значит, работают. Сутки через сутки. В

школе всё спокойно, не хулиганят. А что за пределами школы – то не их компетенция. Прокурорский казах или узбек в разговор не вмешивался. А приятно всё-таки, когда с тобой «на вы» разговаривают, по-простому, но с уважением. Не то что толстячок молодой, который, сразу «тыкать» начал, как только красной книжечкой перед носом помахал, а сам, как корова какая, всё время жуёт резинку, да ещё надувает её. Тьфу, смотреть противно!

Вежливые начальники поблагодарили и сказали, что дальше они пойдут одни. Вот и хорошо, подумал Алексей Иванович, что с собой не позвали. Меньше знаешь, как говорится, крепче спишь.

Глава 5

Чтобы простой оперативник, пусть у него даже имеется приставка «старший», удалил с места происшествия дежурную группу, включая руководителя – следователя из другого ведомства, а сам остался с экспертами – дело небывалое, никакими нормативами не предусмотренное. Недостаточно просто сообщить, что вызов ошибочный. Даже ошибочные вызовы оформляются различными рапортами и объяснениями. Сплошная бюрократия. Но это сущие пустяки – дело завтрашнего дня. А вот гневную речь Марины Вячеславовны, о том, что по вине «разных идиотов» она бездарно провела последние два часа, хотя могла бы спокойно заниматься своими делами в отделе или вообще кофе пить, Владу Кунгурову пришлось выслушать прямо сейчас. Как и угрозы о немедленном направлении представления руководству районного отдела о некомпетентности сотрудников уголовного розыска. Тем не менее, покричав в своё удовольствие и высказав много нелицеприятных слов, Марина Вячеславовна Белозёрова погрузилась в личное авто и убыла в направлении своего кабинета писать обещанную кляузу.

Дима Степанов, с его бьющей через край энергией и любопытством, не отставал. В отличие от высокомерной Белозёровой, у которой трупы вызывали тошноту, а места преступлений – скуку, ему всё было интересно. Он около са-

рая побывал, стажёра с разбитой головой видел, смятение, охватившее старейшего криминалиста, наблюдал и отчаянно упирался, не желая уезжать. Тем более, что Кунгуров сказал, что они с Соловцом останутся кое-что доделать, да и судмедэксперт свою спецмашину отправил, а сам никуда не торопился. И они что-то будут делать без Диминого участия? Как это понимать? Что вообще в таких случаях делают, Диме было невдомёк, а вот обидно ужасно. Влад Кунгуров выдержал натиск достойно, позиций не сдал. Пришлось Диме покориться. Упирался, возмущался, но поехал, а что делать, если старший по званию приказал.

Алексей Перов распоряжение о направлении в госпиталь воспринял без возражений. Он был настолько потрясён известием об отсутствии тела в сарае, что тихо сидел в машине, зажав коленями сцепленные руки.

В конце концов, закончились и бесконечные извинения перед следователем, и утомительная перепалка с неугомонным Димой Степановым. Завершился доклад дежурному по отделу с тысячей уверений, что, понятное дело, именно Кунгуров как старший опер ответит перед руководством за случившийся бардак. Выпроводив всех, Влад облегчённо выдохнул, вытер взмокший лоб и пошёл к сараю, где остался криминалист, и куда уже ушёл судмедэксперт.

Михаил Данилович Соловец давно снял с головы ремень с фонариком и сидел на своём складном табурете, прислонившись спиной к стенке сарая. То носы, то пятки его туфель

попеременно поднимались и опускались хаотично без всякого ритма. Он не замечал, что топчет полы расстёгнутого рабочего халата.

Рядом, тоже упираясь спиной в сарай, сливался с темной вытянувший ноги Сергей Сомов. Казалось, он дремлет: глаза зарыты, руки сложены на груди, поза расслабленная. Только гуляет из угла в угол пухлых губ длинная травинка.

Кунгуров бездействовать решительно не мог, внутри что-то бушевало и бесновалось, как штормовой прибой у скал. Прибивала к земле и наливала тяжесть в ноги ответственность. Активные движения кое-как помогали справиться с напряжением, поэтому он ходил взад-вперёд по беговой дорожке перед сараем. В горле застрял ком, который никак не удавалось сглотнуть.

Влад недоумевал, как эти двое могут сидеть, когда они совместными усилиями место преступления скрыли. Плюс ко всему такое совсем рядом, за хлипкой деревянной стенкой. Какое слово подобрать, как назвать это, Влад не знал. Надеялся, что вот приедет сейчас Большой Босс и тогда, по крайней мере, определится, в том числе, и его будущее. На следующий год сынишка станет первоклассником, как его в школу отпускать, когда в городе появилось это?

«Вот приедет барин – барин нас рассудит. Барин сам увидит, что плоха избушка и велит дать лесу, – думает старушка», – крутилось в голове у Кунгурова. А может, барин велит дать под зад коленом и выгонит к чертям собачьим из ор-

ганов, и будет прав, потому что всё, что Влад сегодня наворотил, противозаконно: на выезд прибыл не в полном составе, понятых не искал даже, должностное преступление совершил, всех кругом обманул – это, как минимум увольнение, про максимум думать не хотелось. Может, надо было не слушать Данилыча, а поступать в чётком соответствии с уголовно-процессуальным кодексом? Доложил бы всё Белозёровой, пусть бы пришла, всё увидела и принимала решение. Тогда бы она сейчас маялась. Или необычные обстоятельства позволяют отступать от буквы закона? Охо-хо. Ладно, пускай барин думает, ему по штату положено, он зарплату получает не в пример больше, чем Кунгуров, в конце концов, служба у генерала такая – всё понять и отдать чёткие распоряжения Владу и его товарищам, а уж они не подкачают. Главное – знать, что делать. А то он пока ничего не понимает, и под такой удар подставился – подумать страшно.

Влад так погрузился в мысли, что не сразу понял, о чём говорит Соловец, с трудом поднимаясь и роняя свой складной рыбацкий табурет, и почему поднялся с земли и стал отряхивать джинсы Сомов.

– Что? – переспросил Влад.

– Я говорю, идут, – повторил Соловец.

Кунгуров поглядел в сторону школы и тоже увидел два темных силуэта. Почему двое, подумалось ему, или большие боссы в одиночку по ночам не ходят? Или это вовсе не ожидаемое начальство, а кто-то посторонний? Крикнуть «стой,

кто идёт» что ли?

Двое пересекли свободное пространство площадки и подошли совсем близко. Нет, всё-таки Большое Начальство прибыло. В составе двух штук. Мы с Тамарой ходим парой, генералы мы с Тамарой. Надо же, и прокурора притащил. Один босс – хорошо, а два – лучше, если что, ответственность есть с кем делить. Умный начальник попался, осторожный. И демократичный, то есть, демократичные – за руку со всеми поздоровались оба.

– Ну, показывайте, что тут у вас за чудеса, – после коротких взаимных приветствий сказал Колыванов. Голос у нового начальника ГУВД был под стать внешности – густой, низкий, гулкий. С таким голосом только парадами командовать.

Соловец снял замок и осторожно раскрыл настежь дверь сарая. Колыванов выдвинулся вперёд. Его массивная фигура заняла весь дверной проём. Он несколько мгновений постоял на пороге и шагнул внутрь. Вслед за ним, приподняв штанины, как поднимают дамы слишком длинные юбки, вошёл и Санджиев. Эксперты с Кунгуровым толпились в дверях.

На месте, где чуть больше часа назад лежало худое иссохшее тельце, осталась только одежда. Серый школьный пиджак с откинутыми назад рукавами, из которых выглядывали измазанные землёй и пылью белые обшлага рубашки, белый рубашечный воротник в почерневших пятнах крови присыпан короткими русыми волосами в ворота пиджака. Под пиджаком лежат такие же серые брючки со смятыми

сложенными друг на друга штанинами, пояса не видно, он скрыт пиджаком. Две черные мальчишеские туфли лежат на боку рядышком прямо под брючинами. Из них нелепо торчат резинки белых носочков. Под рукавами и около туфель – кольца лохматой верёвки, завязанные узлами.

– Дайте что-нибудь длинное, – Колыванов, не отводя взгляда от детской одежды, протянул руку к дверям.

Сомов вложил в неё медицинский зажим. Николай Васильевич опустил на корточки и инструментом осторожно приподнял рукав, стараясь не сдвигать его с места. Он приподнимал одежду то с одной, то с другой стороны и рассматривал то, что было под ней. Санджиев в такой же позе сидел рядом и внимательно наблюдал. Все происходило в полном молчании. С улицы долетал далёкий шум проезжающих машин и стрёкот сверчков. Покрылась испариной и заблестела под светом электрической лампочки наголо остриженная голова начальника ГУВД. Лицо прокурора не выражало ничего и напоминало маску.

Наконец, Колыванов тяжело поднялся, вслед за ним встал и Захар Хонгорович.

– Так, – начал Николай Васильевич, – эксперты, собираете и пакуете одежду, верёвки и весь биоматериал, всё, что найдёте. С вещами аккуратно, не растрясите то, что внутри. Вы, – он взглянул на Кунгурова, – доложите, что знаете и что сделано по данному делу.

Он огляделся и заметил у стены на импровизированном

рабочем столе работающую камеру.

– Всё записывал? – это уже Соловцу. Тот кивнул. – Правильно, хвалю. Работайте, товарищи эксперты, мы на воздухе подождём. Пошли, Захар.

Санджиев поднялся и, придерживая штанины, чтоб не подметать ими пол, вслед за Колывановым вышел.

Эксперты, наоборот, вошли в сарай, раскрыли там свои сумки, начали переговариваться вполголоса и шуршать пакетами для упаковки вещдоков.

Слегка обескураженный Кунгуров стоял на улице около косяка входной двери. Не так представлял он себе прибытие начальника. Ему случалось бывать на выезде, куда вдруг прибывало руководство. Работать становится неуютно и су-етно.

За самым Большим Боссом обязательно увязываются боссы рангом пониже. До общения с операми генералы, как правило, не снисходят, не барское это дело, для разговоров с простым народом существуют мелкие боссы. Приедет важный генерал, глянет вокруг царственным взором, спросит у подбежавшего полковника или подполковника – начальника городского отдела: «Ну, что тут у вас? Почему работаете медленно? Чтоб завтра доложили, кого подозреваете, а ещё лучше, обвиняете. И в суд его на арест». Сверкнут золотом звёзды на погонах, и уедет генерал. Он своё начальственное дело сделал – распорядился. Начальник городского отдела, в свою очередь, подзывает майора – начальника районного от-

дел со словами: «Дело забираю в город, вопросы со следствием и прокуратурой решу. А то ведь твои архаровцы не справятся, у меня-то поопытнее ребята. Пусть твои сейчас здесь тщательно отработают: свидетелей установят, осмотры сделают, поквартирные опросы проведут, а завтра все материалы мне на стол. Дальше мы сами. Но если что не так, смотри, свои хвосты сами подчищать будете. Мне начальнику главка докладывать о проделанной работе». Сверкнув звезды поменьше, сядет в служебный экипаж полковник и уедет. Получается, что основную самую важную и самую объемную работу выполняют сотрудники «с земли». Если всё хорошо, по результату похвалят кого-то другого, дело-то наверх ушло, а если какие-то огрехи и недоработки, то шишки куда летят? Правильно – закон всемирного тяготения никто не отменял – в райотдел они полетят и прямо по маковке каждого «на земле» приложат.

А этот новый начальник и на генерала-то не похож. Приехал один, правда, областного прокурора с собой привёз, тоже начальство не из маленьких, а они на «ты» разговаривают. Давно знакомы, что ли? Одеты оба неформально до нелепости. Наверно с природы откуда-то сорвались. Прокурор невозмутимо штанины придерживает, как барышня, и молчит загадочно, да и по генеральскому лицу не понятно, устроит разнос прямо сейчас или подождёт до завтра, и тогда уж в полную силу приложит фейсом об тейбол.

Влад очень хорошо понимал всё про субординацию. Какая

разница кто во что одет. Генерал – он и в бане генерал.

Как и следовало ожидать, начальник ГУВД в широкой рубахе, похожей на огромную распашонку, потребовал доложить о проделанной работе, и Влад чувствовал, что доклад его будет напоминать явку с повинной: я такой сякой выехал на место, совершил должностное преступление, в чём искренне раскаиваюсь. Ну, а дальше надеяться на народную мудрость про повинную голову, которую меч не сечёт, авось смягчат наказание.

Пока Кунгуров предавался горестным размышлениям, Колыванов достал из кармана штанов сигареты, неторопливо закурил. Он понимал смятение оперативника и давал ему возможность собраться с мыслями. Санджиев стоял рядом, неизвестно откуда взявшимся прутиком похлопывал себя по штанине и смотрел в небо. Звёзды что ли считает?

Пауза затянулась, Влад слегка поёжился от состояния душевного раздвоя и начал:

– Товарищ генерал-майор...

– Минуточку, – прервал его Колыванов, – давайте, для начала, договоримся, что общаемся без чинов. Мне, я полагаю, представляться не надо, Захара Хонгоровича вы и так знаете, а как нам вас величать?

Прокурор оторвался от созерцания звезд и уставился на Кунгурова непроницаемыми узкими глазами.

– Кгм, – прочистил горло Влад. Какие политесы, надо же. Неожиданно. – Старший оперуполномоченный капитан по-

лиции Кунгуров Владислав.

– А дальше? – спросил Колыванов. – Отчество?

– Сергеевич.

– Вот и давайте, Владислав Сергеевич, спокойно без нервов, расскажите нам с Захаром Хонгоровичем всё неторопливо и подробно: когда и от кого поступило сообщение о преступлении, в каком составе группу отправили на выезд, что удалось выяснить по прибытии на место, с кем побеседовать, какие документы составлены. Протокол осмотра хотелось бы почитать, где он, кстати?

Вот и пришла пора каяться, понял Влад. Ну, приступим, помолясь, как говорит Соловец.

– Виноват, товарищ генерал-майор, – начал Кунгуров, но Колыванов поднял сросшиеся брови и покачал головой, – виноват, Николай Васильевич, – скороговоркой исправился Влад, – протокол не составляли.

– Почему?

И что говорить?

На помощь неожиданно пришёл прокурор:

– Потому что у Марины Вячеславовны своеобразный стиль работы, Коля. Она к сараю даже не подходила, – ответил он за Кунгурова. – Давай вопрос о составлении документов напоследок оставим.

– Хорошо, – покладисто согласился Колыванов и благожелательно продолжил. – Владислав Сергеевич, вы не торопитесь виниться. Кто в чём виноват, и виноват ли – это мы

потом решать будем. Забудьте про доклады, просто рассказывайте что видели, что чувствовали. Безо всяких оглядок, как приятелю за банкой пива.

Ага, приятели нашлись, вот так расскажешь, а потом половину отдела уволят, подумал Кунгуров.

Колыванов давно притоптал окурок, и закурил новую сигарету, стоял спокойно, слегка расставив ноги. Не смотря на крупные габариты, он был весь какой-то подогнанный, как корпус корабля, и лёгкий ветер слегка теребил края его необъятной размахайки, похожей на парус. Тихое похлопывание веточки о ногу Санджиева тоже не прибавляло уверенности. Но деваться некуда, надо рассказывать. И Влад рассказал. Только факты: как дежурная группа была направлена на происшествие; как нашли Алексея Перова с разбитой головой; о неудачной погоне, о начале осмотра и рассыпавшейся голове, о предложении Соловца вызвать генерала и скрыть информацию о трупe; о том, как он с этим согласился, доложил о якобы ошибке стажёра и отправил восвояси группу, а сам с экспертами остался ждать прибытия начальства. Колыванов слушал внимательно, не прерывая рассказ вопросами, курил только сигарету за сигаретой.

– Это всё, Николай Васильевич, дальше вы приехали.

Колыванов затушил очередной бычок, достал новую сигарету, закурил. Перехватил взгляд Кунгурова и протянул ему открытую пачку:

– Берите, не стесняйтесь.

Влад сигарету взял, затянулся, удивляясь превратностям судьбы. Если б кто-нибудь ещё утром сказал, что ночью ему предстоит с двумя большими начальниками запросто беседовать, да ещё их куревом угощаться – не поверил бы. Да и никто бы не поверил.

– Что думаешь, Захар Хонгорович? – спросил между тем Колыванов, выдыхая длинную густую струю дыма.

– Думаю, что разгильдяйство и безалаберность иногда бывают кстати. Не часто, но сейчас как раз такой случай. У меня к вам несколько вопросов, Владислав. Вы курите, не надо нервничать и напрягаться.

Кунгуров выразил готовность немедленно отвечать.

– Правильно ли я понял, что тело видели четверо: вы, эксперты и стажёр?

– Правильно.

– Но стажёр в осмотре не участвовал и никаких метаморфоз не видел?

– Именно так.

– Почему вы решили, что преступник где-то рядом, когда приехали сюда?

– Кровь на рубашке у стажёра была совсем свежая, даже еще не вся впиталась.

– Собака след взяла?

– Вроде взяла, только она на стену сарая лаяла. Кинолог пояснила, что след идёт поверху стены на крышу, на земле следов собака не нашла. А стена гладкая, у деревьев рядом

ветки тонкие, по ним не забраться. Я решил на крышу по забору залезть. Не получилось. А потом судмедэксперт пришел, Михаил Данилович замок снял, вот мы и отвлеклись.

– Дальше преследовать не пытались?

– Нет.

– Понятно. С какого момента началась видеозапись?

– Как только мы вошли в сарай. Это Михаил Данилович предложил, он сказал, что потом перенести на бумагу по видео будет правильнее.

– Понятых почему нет?

– Михаил Данилович сказал, что лучше, чтобы никто этого не видел.

Санджиев кивнул:

– Михаил Данилович сказал, Михаил Данилович предложил. Значит, руководил на выезде криминалист. У вас всегда так? Это риторический вопрос, можете не отвечать. Хорошо, что хоть кто-то тут голову не потерял.

Констатация факта заставила Кунгурова поёжиться. Щекам стало горячо. Он ведь действительно чуть более двух часов назад досадовал на то, что его заставляют делать чужую работу. Не кочевряжился бы, начал бы писать протокол, сейчас было бы не так стыдно. А то, что Данилыча послушал...

– Я растерялся, – искренне ответил Влад.

– Я так и понял. Считаю необходимым составить протокол осмотра немедленно, – продолжал Захар Хонгорович. – По памяти ничего писать не надо. Опишите обстановку вокруг

сарая и внутри, остальное допишите по видео.

– У меня бланков нет, – буркнул Кунгуров, не подумав. – на чём писать-то?

Прокурор даже бровью не повёл.

– Вы только на бланках протоколы писать умеете?

Влад, мысленно ругая себя последними словами, – нашёл с кем пререкаться – ответил:

– Никак нет, умею и без бланков, разрешите выполнять?

– Выполняйте, – милостиво разрешил Санджиев. – Идите.

И Кунгуров пошёл. В сарае эксперты раскладывали одежду по пакетам. Руководил упаковкой Соловец. Он сидел на своём складном табурете и занимался завязыванием горловин пакетов шнуром, отматывая его с большой катушки и отрезая так, чтобы после завязывания оставались длинные хвостики для опечатывания. При этом он подсказывал Сомову, как именно и в какой последовательности складывать вещи. Сергей безоговорочно выполнял все указания.

– Данилыч, – обратился Кунгуров к криминалисту, – в твоём чемодане ручка и бумага чистая найдутся, а том мне велено протокол осмотра писать.

Соловец мотнул головой снизу вверх:

– Возьми, конечно, Владислав, листа три-четыре, вряд ли больше, но есть. Там в дополнительном наружном кармашке.

Влад нашёл бумагу, ручка у него всегда была при себе, перевернул одно из ведер вверх дном и уселся на него около стола, где стояла всё ещё работающая камера.

– Данилыч, может уже можно выключить твою шарманку? – спросил он. – А то мне места не хватает.

– Так отодвинь камеру, она давно уже не записывает. Память кончилась.

Кунгуров начал писать, а потом не выдержал и спросил:

– Как думаете, что с телом случилось? Почему оно того – рассыпалось?

Сомов промолчал, а Соловец тяжело вздохнул и ответил:

– Боюсь, мы с вами, друзья мои, это узнаем не скоро.

– Если вообще узнаем, – подхватил Сергей Сомов.

– Это почему же? Вы же исследования какие-нибудь проведёте, вон сколько материала набрали.

– По моей части исследователь нечего, – пояснил Сергей. – Я патологоанатом, а трупа нет.

– Видите ли, дорогой мой Владислав, – начал Михаил Данилович, – боюсь, что исследования вообще нам не доверят. Но как криминалист могу вам сказать, что и мне особо исследователь нечего. То, что осталось – это пыль, песок, частички волос и ногтей. Я не знаю таких криминалистических исследований, которые объяснили бы такое...такие последствия. Следы пальцев кое-какие я с замка снял, конечно, но ведь замочек ваш стажёр тоже открывал. Если и было что-то, он затёр. Внутри сарая следов хватает, так и доступ в сарай почитай вся школа имела. Вы представляете себе объём сравнительных экспертиз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.